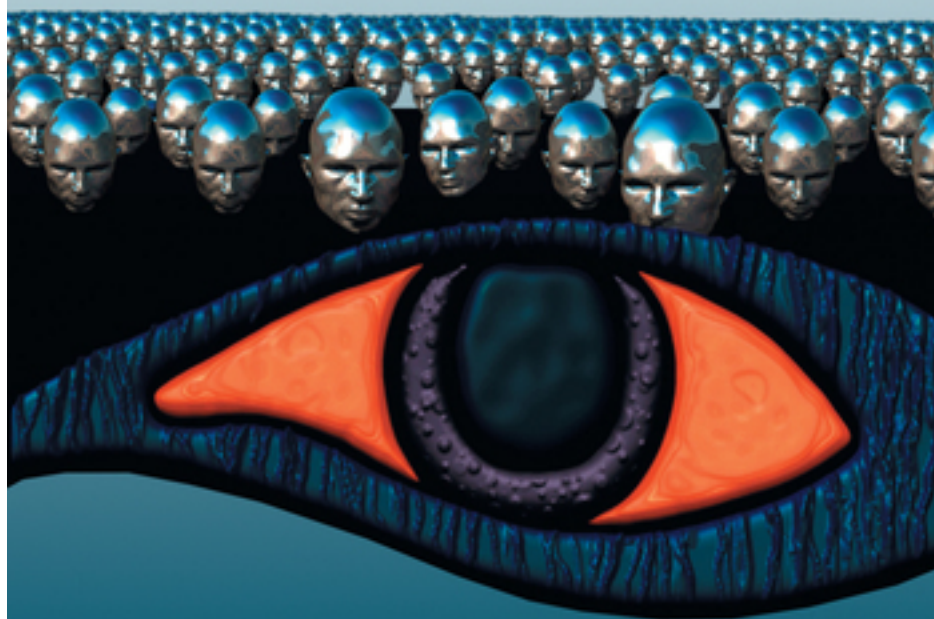

maestro
of detective

ЧИНГИЗ
Абдуллаев

РАНДЕВУ С ВАЛТАСАРОМ

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Рандеву с Валтасаром

«PEN-клуб»

2000

Абдуллаев Ч. А.

Рандеву с Валтасаром / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2000 — (Дронго)

Экспресс идет... нет, конечно, не в Стамбул. Экспресс идет из Лиссабона в Москву, и пассажиры его – люди искусства: журналисты, писатели, поэты. А от людей искусства можно ожидать чего угодно. Например, бесследного исчезновения одного из участников этой акции. Например, захвата другого странными людьми странного полковника. Например... но продолжать говорить о загадочных преступлениях можно еще долго. Кто расследует цепь этих переплетенных тайн? Кто отыщет ответы на вопросы? Только агент Дронго. Только человек, который продолжает искать истину, даже когда неизвестные преступники начинают охоту уже за ним...

Содержание

Лондон. 14 мая	5
Москва. 27 мая	10
Лиссабон. 6 июня	16
Таджикистан. 8 июня	21
Мадрид. 9 июня	25
Москва. 9 июня	29
Мадрид. 9 июня	31
Размышления. Эпизод первый	43
Бордо. 11 июня	45
Москва. 12 июня	53
Париж. 13 июня	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чингиз Абдуллаев

Рандеву с Валтасаром

Невероятная история с убийствами, похищениями, грабежами, воровством, тайными агентами, наемными убийцами, проститутками, осведомителями и другой нечистью, а также о любви, ненависти, благородстве, истине и о людях, населяющих наш мир и так интересно в нем живущих.

Всем европейским писателям, совершившим невероятное путешествие в «литературном экспрессе», посвящая эту книгу.

Всем понявшим и непонявшим этот роман, всем принявшим и не принявшим его.

Мене, мене, текел, упарсин.

Древнее проклятье, появившееся перед взором халдейского царя Валтасара.

Лондон. 14 мая

Этот район Лондона всегда пользовался дурной славой. И хотя за последние годы городские власти и полиция сделали все, чтобы очистить центр города от пороков Сохо, само слово из четырех букв было символом лондонского дна, каким был Гарлем для Нью-Йорка. Сохо до сих пор оставалось центром секс индустрии огромного мегаполиса, в котором секс-шопы соседствовали с массажными кабинетами, где легко можно было найти девочку или мальчика на любой вкус.

Но человека, который вышел из бара, кажется, меньше всего интересовали девочки. Он был не просто пьян, он с трудом сохранял равновесие, глядя перед собой мутными глазами. Возможно, он даже вспоминал, куда ему нужно идти: бессмысленный взгляд красноречиво свидетельствовал о его состоянии. Мужчина был высокого роста, широкоплечий, с большими выпученными глазами и трехдневной щетиной на лице. Ему было лет сорок пять. В обычном состоянии его глаза были серого цвета, сейчас же они были почти красными.

Очевидно собравшись с мыслями, он зашагал в сторону перекрестка, где можно было остановить такси. Он не знал, что на другой стороне улицы уже более часа стоит небольшой автофургон «Фиат», в котором находилось четверо неизвестных ему мужчин. Когда он вышел из бара, сидевший за рулем негромко сказал:

– Он вышел.

– Вижу, – кивнул сидевший рядом с ним, – кажется, он уже основательно нагрузился. С таким будет легче справиться.

Вышедший из бара перешел улицу и направился в сторону перекрестка, чуть покачиваясь. «Фиат» медленно поехал вслед за ним.

– Внимательнее, – предупредил сидевший рядом с водителем человек. Он был старше остальных лет на десять.

Когда «Фиат» поравнялся с мужчиной, все произошло совсем не так, как они предполагали.

Выскочившие из фургона двое мужчин схватили неизвестного за плечи. Но тот, очевидно, был неплохо подготовлен. Сделав разворот, он перебросил через бедро одного из нападавших. Второй схватил его за плечи, но он оттолкнул и этого нападавшего. Неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы мужчина был в трезвом состоянии, однако было очевидно,

что оба нападавших также хорошо подготовлены. Когда они снова бросились на него, к ним на помощь пришел водитель автобуса.

Против троих молодых мужчин неизвестный не мог выстоять. Один из них нанес ему сильный удар в челюсть, и он покачнулся, но не упал, так как второй слегка поддержал его. Третий из нападавших брызнул ему в лицо из баллончика; мужчина обмяк и потерял сознание. Его легко втащили в автофургон. Дверца захлопнулась, и машина тронулась.

Свидетель происшествия, молодой негр, случайно оказавшийся рядом с машиной, испуганно смотрел, как нападавшие увозили неизвестного. Молодой человек знал, как опасно связываться с мафией, но еще опаснее мешать полиции. Очевидно, решил он, трое подъехавших были из полиции, а он не хотел лишний раз попасть в полицейские протоколы. Поэтому, покачив головой, он повернул в другую сторону, заставляя себя забыть и номер автомобиля, и увиденную сцену.

«Фиат», набирая скорость, мчался в сторону южного побережья. Сидевший рядом с водителем неизвестный повернулся и недовольно сказал:

– Долго возились. Трое не могли справиться с одним стариком, который не мог даже поднять руку.

– Он неплохо подготовлен, – несмело заметил один из парней, показывая на лежавшего мужчину, – даже в таком состоянии действовал автоматически.

– А вы нет? – спросил его собеседник. – Хорошо еще, что мы взяли его в таком состоянии. Иначе бы он раскидал вас, как щенят.

Его подчиненные молчали. В подобных случаях лучше не спорить с начальством. Примерно через час автомобиль въехал во двор небольшого поместья. Двор был окружен высокой стеной, обвитой плющом. На неизвестного надели наручники и, внося в дом, положили на диван.

– Разбудите его, – приказал руководитель, – и быстрее, у нас очень мало времени.

Один из его сотрудников, достав другой флакон, снова брызнул в лицо пленнику. Тот даже не шевельнулся. Пришлось брызнуть и второй раз, и третий. Наконец мужчина, сморщив лицо, закашлял и попытался подняться, но обнаружил, что скован наручниками.

– Кто вы такие? – прохрипел он, когда один из парней принес стакан воды и резким движением выплеснул ему в лицо воду. Пленник облизал губы, очевидно, ему хотелось пить.

– Дайте ему воды, – приказал руководитель группы, – так он быстрее придет в себя.

У руководителя были седые, коротко постриженные волосы, сухая, словно пергаментная кожа и светлые миндалевидные глаза. Тонкая полоска усов, модные очки придавали его лицу вид интеллигентного человека. Пленнику принесли воды, посадили на диван и дали выпить, не снимая наручников.

– Кто вы такие? – снова спросил он, очевидно начиная понимать, что именно произошло.

– Как вас зовут? – спросил руководитель группы.

– Наверно, вы сами знаете, если решили меня сюда привести, – усмехнулся пленник. – Зачем вы меня взяли?

– Отвечайте на мои вопросы. У нас мало времени. Как вас зовут?

– Мигель Грейвз, подданный Ее величества. Я требую вызвать представителя английского посольства или английских властей. Вы не имеете права распоряжаться в Англии. Здесь вам не Гаити.

Схватившие его люди переглянулись, чуть усмехнувшись. Руководитель подошел к пленнику, поставил ногу на диван рядом с ним и тихо сказал:

– Я сейчас для тебя и закон Гаити, и английская королева в одном лице. Поэтому забудь о своем гражданстве и об английской полиции. Быстро и четко отвечай на мои вопросы. Ты родился на Гаити?

– Да, – кивнул Грейвз.

– Ты работаешь журналистом в журнале «Солдаты удачи»?

– Да.

– Ты работал в охране Дювалье?

– Это неправда, – запротестовал Грейвз, – я жил в это время на Гаити, но никогда не работал с папашей Дюком.

Допрашивающий его человек улыбнулся.

– Если бы я даже сомневался в этом, то, видя, как ты дерешься в пьяном состоянии, я бы отбросил все сомнения. Не валяй дурака, Грейвз, я тебе уже объяснил, что у меня мало времени.

– Зато у меня его много, – пробормотал Грейвз и в ту же секунду получил удар по лицу. Удар был сильный, жесткий. Из рассеченной губы потекла струйка крови.

– Не нужно заставлять меня прибегать к подобным методам... – попросил неизвестный. – Итак, ты работал в охране Дювалье?

– Если вы из нашего Сопротивления, то давно бы меня придушили, – пробормотал Грейвз. – Да, я работал. Но это было давно.

– Ты должен вылететь через две недели в Лиссабон для участия в «Литературном экспрессе». Поезд пройдет через всю Европу. Верно?

– Ах вот почему вы здесь, – пробормотал Грейвз, – теперь понятно. Вы из МИ-5? Зачем я вам понадобился?

– Отвечай на мои вопросы, – жестко напомнил его похититель.

– Да, я поеду в Лиссабон, чтобы участвовать в этом чертовом проекте. Да, поеду. Что еще вы хотите знать?

– Ты заменил Рэндала Эшли на этом месте. Ты его знал?

– Впервые о нем слышу. Хотя нет, кажется этот парень был журналистом и исчез неделю назад. Об этом говорили по Би-би-си. Или вы думаете, что я прикончил его, чтобы занять его место?

– Я думаю, что сейчас не лучшее время для шуток, Грейвз. Итак, где находится Рэндал Эшли?

– Откуда я знаю про этого чертового Эшли? Мне предложили заменить его в Лиссабоне, и я согласился. Заплатили деньги, гонорар, вперед. Две тысячи фунтов. Я подписал договор. Откуда я знаю, куда делся Эшли? Откуда мне знать про этого Эшли?

– Кто тебя рекомендовал, Грейвз? Почему выбрали именно тебя?

– Наверно, я хороший журналист, – нагло усмехнулся Грейвз. – Откуда мне знать, почему они выбрали именно меня? Но я согласился. Глупо было отказываться. А куда делся ваш Эшли, я не знаю. И знать не хочу.

– Ты не сказал, кто тебя рекомендовал.

– Позвонили из Берлина. Сказали, что могут меня рекомендовать. Я согласился.

– Кто звонил?

– Какой-то Шмидт из организационного комитета.

– У тебя есть его телефон?

– Нет. Он сказал, что работает в оргкомитете и они пришлют мое приглашение в английский ПЕН-центр.

– Он не сказал тебе, что случилось с Эшли?

– Нет. Это меня мало интересовало. Он сказал, что мне нужно будет помочь его людям в Москве...

У стоявшего перед ним человека дрогнуло лицо. Очевидно, он ожидал все что угодно, но только не этой фразы. Страшным усилием воли он заставил себя улыбнуться, проделав это за доли секунды, растянувшиеся для него в неизмеримо длинную паузу. И затем, обернувшись к несколько растерявшимся сотрудникам, сказал:

– У мистера Грейвза бурная фантазия.

– Ничего не фантазия, – возразил Грейвз, – все было, как я говорю. И хватит изображать из себя ничего не ведающих овец. Я уже догадался, вы из разведки. Зачем я вам нужен, можете мне сказать?

– Для танцев, – зло сказал руководитель группы. – Как именно ты будешь помогать Шмидту в Москве, он тебе не сказал?

– Нет, ничего больше не сказал. И вообще, почему вы меня об этом спрашиваете? Кто вы такие? Я хочу знать, почему меня сюда привезли.

– Заткнись, – коротко сказал один из сотрудников, стоявший рядом с ним.

Их руководитель молча посмотрел на Грейвза и вышел в другую комнату. Он стоял там и курил, глядя в окно, когда к нему вошел один из его сотрудников.

– Непонятно, – сказал он по-русски, – если это провокация, то нас давно должны были взять.

– Нет, это не провокация, – возразил руководитель группы, не поворачивая головы. – Судя по всему, Грейвза сознательно включили в группу вместо Эшли, чтобы он мог помочь кому-то в Москве. Эшли был слишком известным человеком, и на его помощь нельзя было рассчитывать. Получается, что господин Шмидт сознательно убрал Эшли, чтобы заменить его на Грейвза. Нужно срочно передать в Москву, чтобы проверили все связи Грейвза и Эшли.

– Передадим, – пообещал сотрудник. – А что делать с Грейвзом? Утопим в море?

– Нет, – задумчиво сказал руководитель, – если погибнет второй журналист, это вызовет еще больший скандал. И заставит английскую полицию копать там, где не нужно копать. А мистер Шмидт поймет, что у него появился опасный соперник. Грейвза нельзя убивать ни в коем случае. Нужно сделать так, чтобы он не поехал в Лиссабон.

– Хотите его отпустить? – изумился сотрудник. – Как мы ему все объясним?

– Я постараюсь, – сказал руководитель группы.

Он потушил сигарету, но окурок не выбросил, а, достав бумагу, завернул его и взял с собой. После чего вышел в другую комнату и, подойдя к сидевшему на диване Грейвзу, негромко сказал:

– За преступления, которые ты совершил перед народом Гаити, ты, Мигель Грейвз, заслуживаешь смертной казни...

– Вы все-таки с Гаити, – пробормотал Грейвз.

– Но мы решили дать тебе шанс, – неожиданно сказал его грозный собеседник, – мы не станем тебя убивать. Достаточно того, чтобы ты никуда не поехал.

– Отнимите у меня билет? – Грейвз был храбрым человеком, и остатки алкоголя еще не совсем выветрились, что придавало его храбрости оттенок бравады.

– Сломаем тебе ноги, – пообещал ему собеседник.

Грейвз вздрогнул. В глазах этого человека он прочел свой приговор.

– Черт вас возьми. – пробормотал он, – это ведь очень больно.

Но его слова не волновали руководителя группы. Он подозвал к себе одного из сотрудников:

– Сделайте ему укол, пусть уснет. Можете напоить его до бесчувствия. Это вместо анестезии. Сломаете ему ноги и выбросите где-нибудь в Сохо. Пусть все выглядит так, словно его сбила машина. Вы все поняли?

– Все, – кивнул сотрудник.

– И никакой самодеятельности, – жестко добавил руководитель группы. – Я еду в посольство, – добавил он на прощание.

Через несколько минут со двора выехала темно-синяя «Тойота». Сидевший за рулем человек взглянул на часы. Через сорок минут он должен подъехать к посольству уже на другом автомобиле. Он только сегодня прибыл в Лондон, и английская контрразведка еще не успела

взять его под наблюдение. Незвестный взглянул на себя в зеркало и снял очки. Потом осторожно убрал тонкую полоску усов. Теперь он выглядел гораздо моложе. И гораздо менее привлекательно. Полковник Федеральной службы безопасности России Камил Баширов еще раз посмотрел на себя в зеркало. И чуть нахмурился. Ему не нравилось ни сегодняшнее похищение Грейвза, ни вся запутанная история вокруг этого дела. Он понимал, что обо всем нужно срочно информировать Москву. Но даже Баширов с его многолетним опытом работы не мог предположить, что это только начало самой грандиозной операции, которая будет проведена в мире в год, завершивший второе тысячелетие.

Москва. 27 мая

Он прилетел из Италии в прекрасном настроении. Каждый раз, встречаясь с Джил, он удивлялся себе, своей обретенной способности радоваться. Казалось, в его возрасте, когда давал о себе знать кризис, обычно поражающий сорокалетних мужчин, ностальгирующих по бесшабашной молодости, и с грузом его проблем было трудно вновь обрести эту способность радоваться обыкновенной человеческой жизни и красивой женщине. Тому неожиданному счастью, которое свалилось на него в сорок лет. Впервые в жизни он не хотел никуда уезжать. Впервые он чувствовал себя в состоянии почти абсолютного равновесия. Но позвонил Владимир Владимирович и попросил его приехать в Москву. Они были знакомы много лет и Дронго знал, что старик не станет просто так вызывать его из Италии. Очевидно, случилось нечто важное, и Владимир Владимирович, получивший важное сообщение, счел своим долгом найти Дронго, чтобы вызвать его в Москву.

Вечером Дронго сидел перед компьютером, когда раздался телефонный звонок. По взаимной договоренности Владимир Владимирович всегда предупреждал о своем приезде. Вот и на этот раз, сказав, что приедет вместе с Потаповым, старик сразу положил трубку, понимая, что эта фамилия не вызовет у Дронго радостных ассоциаций. Потапов был заместителем директора ФСБ и чудом умудрился усидеть на своей должности сразу при трех руководителях. С одной стороны, это было несомненным признанием его профессиональных заслуг, а с другой, сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что в самых критических ситуациях он не стеснялся прибегать к консультациям Дронго, полагаясь на его аналитические способности.

Когда раздался звонок, Дронго подошел к двери, предварительно включив камеры наблюдения. На лестничной площадке стояли двое мужчин. Один из них – человек лет шестидесяти, опиравшийся на палку, сделал шаг по направлению к камере и, подняв голову, помахал рукой. Дронго выключил сигнализацию, не позволявшую открыть дверь без набора специального кода, и отпер дверь. Владимир Владимирович шагнул первым, тяжело опираясь на палку и протягивая руку. Вошедший с ним человек был гораздо моложе. Ему было под пятьдесят. Среднего роста, с редкими темными волосами, невыразительным блеклым лицом, немного выпученными глазами, которые обычно смотрели на собеседника, не мигая.

– Добрый вечер, – сказал он, не протягивая руки. Только кивнул, видя мрачное настроение Дронго.

– Здравствуйте, – Дронго кивнул ему в ответ, жестом приглашая в гостиную.

Когда оба гостя прошли в комнату и разместились на диване, Дронго прошел следом и сел в глубокое кресло напротив, подвинув к гостям столик на колесиках. Он налил себе минеральной воды, после чего спросил у гостей:

– Чем обязан вашему визиту?

– Сейчас расскажем, – сказал Владимир Владимирович, – только не нужно нервничать.

– Я не нервничаю, я радуюсь, – ответил Дронго, – всегда, когда вижу вашего спутника, я начинаю радоваться жизни. Сначала он не дал мне закончить расследование на телевидении по поводу убийства известного телеведущего. Затем активно мешал расследованию хищения на военном объекте в Сибири, в результате чего едва не произошла трагедия. И наконец, совсем недавно помешал моему расследованию, когда выяснилось, что московского мэра хотят физически устранить. Мне иногда кажется, что генерала специально присылают ко мне, чтобы он вел со мной параллельные расследования и делал все, чтобы помешать мне.

– Зачем вы так говорите? – зло спросил Потапов.

Подвинув к себе столик, он открыл бутылку виски и щедро плеснул в большой стакан, положив туда два кусочка льда, после чего залпом выпил его содержимое.

– А разве я не прав? – удивился Дронго.

– Можно подумать, что вы ничего не понимаете, – огрызнулся генерал, – в нашей стране все время меняется политическая конъюнктура. А мы все – руководители спецслужб, – как проститутки, стараемся ублажать каждого, кто передает нам приказы от имени президента. Сегодня ему нравятся одни союзники, завтра другие. Сегодня у нас один директор, завтра другой. Я вообще думаю, что скоро и меня уберут из ФСБ. Я пересидел уже трех директоров, а для нашего ведомства это достаточно много.

– В таком случае не нужно быть проституткой, – заметил Дронго, – вы всегда можете положить свое заявление об отставке новому руководителю.

– И отправиться служить бандитам? – невесело спросил Потапов. – Вы меня с собой не сравнивайте. Это вам удалось остаться независимым экспертом, получать фантастические гонорары и жить в свое удовольствие. А я всего лишь государственный чиновник. И как только меня лишат моей работы, я должен буду отправиться к известным вам олигархам и слезно просить их устроить меня на работу. Меня, конечно, возьмут, но после этого я стану даже не проституткой, у которой есть какие-то правила общения с «клиентами». Я стану дешевкой, об которую все станут вытирать ноги. И вы это прекрасно знаете.

– Еще немного, и я начну плакать над вашей судьбой, – без тени улыбки ответил Дронго. – Если бы я не знал, как живут сегодня все эти генералы спецслужб, я бы ничего не говорил. У вас есть хотя бы один коллега не миллионер? Где-нибудь, кроме разведки. В милиции, в ФСБ, в налоговой полиции или в таможенном комитете? Вы знаете хотя бы одного генерала, который, уйдя с работы, отправился на паперть? Вы же все прекрасно понимаете, генерал. И если я иногда с вами соглашаюсь, то надеюсь, что и вы видите мою правоту. И про своих коллег, и про генеральскую честь.

– Оставим, – отмахнулся Потапов, – не буду спорить. С вами это все равно бесполезно, вы можете переубедить даже фанатика. Вам нужно было идти в адвокаты.

– И защищать ваших олигархов? У меня бы не получилось. Я бы смог искренне защищать человека только в том случае, когда сам был бы убежден в его невиновности. А для адвоката подобная позиция – большой профессиональный минус.

– Мы пришли сюда не для того чтобы спорить, – напомнил Владимир Владимирович, – у нас к вам важное дело.

– Какое дело? – спросил Дронго.

Владимир Владимирович взглянул на Потапова, но тот промолчал и снова щедро плеснул в стакан виски. Владимир Владимирович подождал пока он выпьет и сказал, обращаясь к хозяину квартиры:

– Дело в том, что пропал один человек...

– Потрясающая новость, – пробормотал Дронго, – в России ежедневно пропадают сотни людей. Надеюсь, меня не отправят на поиски неизвестного?

– Пропал очень известный человек, – мрачно сказал Потапов, – мы думали, что вы могли бы неформально нам помочь. Мы не можем вести официальное расследование, так как к нам никто не обращался. Но мы точно знаем, что интересующий нас человек пропал и его нигде не могут найти.

– Кто этот человек?

Потапов взглянул на Владимира Владимировича. Тот кивнул и, тяжело поднявшись, сказал Дронго:

– Ты меня проводи. Мне незачем знать ваши секреты. С годами я убеждаюсь, что знания действительно умножают печаль. И будь с ним помягче. У него дочь больна, завтра операция. А он все бросил и приехал к тебе. Не нужно ерничать. Если не хочешь, можешь им не помогать, тебя никто не обязывает. Но, насколько я понял, они готовы заплатить тебе гонорар. У них опять какое-то важное дело. И ты, очевидно, проходишь по графе непредвиденных расходов.

– Скорее, тех расходов, которые они должны тратить на свою агентуру, – пробормотал Дронго, прощаясь со стариком. Тот вышел из квартиры, и Дронго вернулся в гостиную.

– Что у вас за дело? – поинтересовался он, усаживаясь напротив Потапова.

– Вы слышали что-нибудь о «Литературном экспрессе»? – неожиданно спросил Потапов.

– О «Восточном экспрессе» я читал у Агаты Кристи, об экспрессе в евротоннеле тоже слышан, но про этот, кажется, ничего не слышал.

– «Литературный экспресс» организован под эгидой ЮНЕСКО и Евросоюза. Он пройдет по маршруту легендарного северного экспресса – от Лиссабона до Москвы и обратно до Берлина. «Экспресс» пройдет через одиннадцать стран, посетит двадцать городов. На нем отправятся представители всех стран Европы, более ста человек известных писателей и журналистов. Они будут встречаться с королями и президентами, премьерами и председателями парламентов, говорить о культуре, объединяющей народы. И символом единения народов Европы выбрана Вавилонская башня.

– Бог в свое время наказал людей, дерзнувших построить до неба первую башню, – напомнил Дронго. – Вам не кажется, что это в некотором роде вызов?

– Да, возможно и так. Но организаторы проекта хотят показать возможность единой Европы и сделать эту поездку символом единения народов.

– Прекрасная идея, – сказал Дронго, – только не совсем понимаю, какое отношение имеет ваше ведомство к этому благородному проекту. Или уже пропал кто-то из писателей?

– Не нужно острить, – попросил Потапов, – все гораздо серьезнее, чем вы думаете. Повторяю, идея экспресса – объединение Европы. Среди участников проекта очень много всемирно известных писателей. Практически во всех странах их должны принимать руководители государств.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, – сказал Дронго.

– Поездка будет продолжаться шесть недель, – бесстрастно продолжал Потапов, – и в начале июля все литераторы прибудут в Москву, где их должен принять президент России. Проект уже согласован. Кроме того, на личные встречи уже дали согласие королевская чета Испании, президенты Польши, Латвии, Литвы. Вы меня понимаете?

– И вы заранее опасаетесь за встречу в Москве? – догадался Дронго.

– Почти угадали, – сказал Потапов, – дело в том, что все страны должны были выдвинуть по два или три участника. По нашим сведениям, была попытка заменить представителя Великобритании на другого участника, который имеет очень косвенное отношение к журналистике вообще и к этому проекту в частности...

Дронго молчал. Иногда нужно дать возможность собеседнику выговориться.

– Журналист, который должен был принять участие в этой поездке, неожиданно исчез. Это довольно известный человек, и английская полиция предприняла определенные усилия, чтобы его найти. Может, вы про него слышали? Рэндал Эшли, очень известный английский журналист, он хорошо знал русский язык, часто публиковался, в том числе и в российских газетах. Его исчезновение наделало в Англии много шума. Мы узнали об этом через наше посольство в Лондоне. И неожиданно оказалось, что вместо пропавшего Рэндала Эшли английский ПЕН-центр рекомендует другого человека – Мигеля Грейвза. Мы заинтересовались им и выяснили, что за всю свою жизнь он написал только три или четыре репортажа, причем, все из африканских государств, где был специальным корреспондентом журнала «Солдаты удачи». До этого он служил на Гаити в элитных частях Дювалье, оттуда перебрался в Англию. Мать у него с Гаити, а отец – английский офицер, осевший на Гаити еще после первой мировой войны. Это давало ему права на получение английского гражданства, и Грейвз этим воспользовался. Есть сведения, что он был связан с продажей оружия в Намибию и Конго. Интересный журналист, как вы считаете?

– Почему вы заинтересовались именно им?

– Они запросили визы на всех участников проекта, и мы обратили внимание на замену, – сказал Потапов, отводя глаза.

– Это объяснение для прессы, – произнес Дронго более настойчиво. – Почему вы заинтересовались именно этой заменой? Только не говорите, что вы случайно о ней узнали. В конце концов это дело англичан – кого именно выдвигать для участия в проекте. Если вы не ответите на мой вопрос, мне будет трудно принять решение.

– Почему вы всегда так давите на своих собеседников? – устало спросил генерал. – Вы же сами все поняли. Исчезнувший журналист работал несколько лет в Москве. Эшли был прекрасным специалистом по Восточной Европе. Иногда он давал полезную информацию, в том числе по своим коллегам.

– Он был вашим осведомителем в Москве? – прямо спросил Дронго.

– Возможно, – вздохнул Потапов, – вы же понимаете, что я не могу подтверждать или отрицать подобные предположения. Но за судьбой Рэндала Эшли мы следили более пристально, чем за остальными. Это все, что я могу вам сообщить, – генерал увидел выражение лица своего собеседника и поэтому быстро добавил: – Нет, он действительно не был нашим агентом в том смысле, который вы в него вкладываете. Скорее он был нашим «человеком влияния» в Великобритании. И он неожиданно исчез. Нас не могло это не насторожить.

– Вы полагаете, что я могу помочь в розыске исчезнувшего журналиста, если его не смогли найти специалисты Скотланд-Ярда. Вам не кажется, что вы несколько переоцениваете мои возможности?

– Не кажется, – мрачно ответил Потапов. – никто не предлагает вам отправляться в Англию. Нас сейчас не так волнует пропавший журналист, как заменивший его коллега. Он оказался несколько болтливее, чем обычно бывают профессионалы. Впрочем, какие профессионалы могли быть у Дювалье? Обычные палачи. Мы попросили наших коллег из Службы внешней разведки установить наблюдение за Грейвзом. Неожиданно выяснилось, что у него появились большие деньги, дважды его видели в разного рода компаниях, где были представители некоторых запрещенных в Великобритании организаций. Этого оказалось достаточно, чтобы заинтересовать нашу службу и обратить на Грейвза более пристальное внимание...

Потапов замолчал. Снова налил себе виски. Положил лед. Но не стал пить, оставил стакан на столике. И наконец, словно собравшись с мыслями, произнес:

– Нам удалось захватить и разговорить Грейвза. Ему обещаны большие деньги за помощь в Москве. Некий мистер Шмидт рекомендовал его для участия в проекте. Он же финансировал и поездку Грейвза. Мы проверяли – никакого Шмидта в комитете «Литературного экспресса» нет. Если учесть, что в Москве писателей будет принимать сам президент, то это вызывает очень много неприятных вопросов. Очень много, Дронго. В том числе и по участникам этого «Экспресса». Нужно узнать, какую помощь Грейвз мог оказать кому-то из участников «Экспресса» в Москве и в чем эта помощь могла быть выражена. К сожалению больше Грейвз ничего не знал. Очевидно, «мистер Шмидт» подозревал, что его протеже может оказаться болтуном, и не очень с ним откровенничал. Грейвз не знает, кто именно из участников «Экспресса» выбран исполнителем некой акции в Москве, но мы хотим принять некоторые меры. Не давать визы всем участникам проекта – значит, вызвать международный скандал, подтвердив курс на изоляцию России от Европы, сорвать мероприятие, согласованное на уровне президента и правительства России с ЮНЕСКО и ООН. А если мы дадим им визы – это будет автоматически означать, что мы впускаем в страну возможного террориста. И отменить встречу мы не можем. Новый президент категорически против этого. Он считает, что мы не должны поддаваться подобному шантажу.

– Вы взяли Грейвза и допросили «с пристрастием»? – полюбопытствовал Дронго.

– Почти угадали, – кивнул Потапов, – но у нас не было другого выхода.

– Его ликвидировали? Или он тоже «исчез», как Эшли?

– Второе исчезновение вызвало бы еще больший скандал, – заметил Потапов, – нет, он жив. Но в поездке он уже не сможет принять участие. Он лежит в больнице с переломами ног.

– Разумно, – тяжело сказал Дронго, – и, как всегда, мерзко. Что вы конкретно хотите от меня, если и так все узнали?

– Мы не знаем главного: кто и когда нанесет удар. Кто, когда, где? Против кого, мы приблизительно догадываемся. Все участники «Литературного экспресса» будут приняты президентом России. Вы понимаете, как важно не сорвать эту встречу? И как важно заранее узнать, кто готовит некую акцию в Москве? Поездка начнется через неделю. Еще есть время подать окончательную заявку. Вы меня понимаете?

– Вы хотите, чтобы я... – изумленно начал Дронго.

– Да, – сказал Потапов, – мы полагаем, что именно вы с вашим опытом и способностями можете решить эту задачу. Посылать специального агента нецелесообразно. И опасно. Если выяснится, что мы вместо писателей или журналистов посылаем для участия в подобном проекте сотрудников спецслужб, это тоже вызовет скандал. Может быть, еще больший. Скажут, что мы не отказываемся от методов старого КГБ, что линия раздела Европы, проходящая по государственным границам, по-прежнему трактуется Москвой как линия вражды, и тому подобная глупость. А вы формально не наш сотрудник. И вообще не имеете никакого отношения к спецслужбам. Вы не только частный эксперт, но и журналист, ваши статьи иногда появляются в газетах. Мы постараемся подать заявку на ваше имя.

– Вы хотите, чтобы я вычислил конкретных исполнителей в этом «Экспрессе»? – понял Дронго.

– Мы хотим, чтобы вы приняли в нем участие, – сказал Потапов. Он наконец выпил содержимое своего стакана. – Считайте это нашей просьбой. Все расходы вам будут компенсированы. Согласно положению, все участники «Экспресса» получают деньги на питание и гонорары от национальных правительств. Гонорары граждан Германии составляют около десяти тысяч марок, украинцы получают по четыре. Мы заплатим вам двадцать пять тысяч долларов. По-моему, вполне приличный гонорар. К тому же, вы увидите Европу, прокатитесь первым классом по красивым местам.

– Сейчас вы похожи на руководителя туристической фирмы, – пробормотал Дронго, все поймут, что я представляю вашу «фирму». Я не уверен, что российские писатели признают во мне коллегу.

– Несколько стран не делегируют своих представителей – отказались Норвегия, Австрия, Азербайджан. Вы можете поехать как представитель Азербайджана. Кстати, австрийцы еще рассматривают возможность своего участия. Кажется, от них будет один представитель, но это пока не точно.

– Надеюсь, вы не пошлете меня как представителя Норвегии, – разозлился Дронго, – кстати, я не знаю норвежского. И вообще нужно было сразу сказать, что вы выбрали меня именно потому, что я могу поехать как представитель Баку.

– И поэтому тоже. Мы договорились, что вы будете представлять Азербайджан.

– Хорошо. Но я возьму с собой Эдгара, он будет мне помогать.

– Мы дадим вам нашего сотрудника для координации действий, – предложил Потапов, – но, конечно, об этом никто не должен знать.

– Не нужен мне ваш сотрудник, – отмахнулся Дронго, – я возьму Эдгара Вейдеманиса, вы его прекрасно знаете. Он достаточно часто помогал мне в подобных делах. Кстати, гонорар мы делим пополам.

– Не получится, – сказал Потапов, – «Экспресс» пройдет по странам Прибалтики, а у него нет прибалтийских виз.

– У вас есть неделя, – улыбнулся Дронго, – достаточно времени, чтобы получить все визы.

– Иногда вы ставите меня в идиотское положение, – пожаловался генерал. – Вам не кажется, что мы и так слишком часто потакаем вашим капризам?

– А вам не кажется, что я слишком часто выполняю ваши поручения? Мы можем расстаться, если вы так хотите.

– Только не нужно меня шантажировать, – поднялся Потапов. – Хорошо, берите с собой Вейдеманиса. И учтите, Дронго, это не игра. Если вы ошибетесь, то можете исчезнуть, как Эшли. Следов его мы до сих пор не нашли.

Лиссабон. 6 июня

Он прилетел в Лиссабон еще третьего числа. Целая неделя ушла у него на то, чтобы получить по Интернету биографии всех участников предполагаемого проекта. Среди писателей, которые должны были принять участие в «Экспрессе», было немало людей выдающихся, известных в своих странах. Было немало странных биографий случайных людей, попавших в проект неизвестно каким образом. Однако все данные по участникам прилагались, и он внимательно изучал биографию каждого. Через несколько дней выяснилось, что, кроме самих участников встречи, в «Экспрессе» примут участие около сорока переводчиков, помощников, журналистов, кино- и фоторепортеров. Это означало, что предстояло изучить еще и их биографии. Однако, к своему изумлению, Дронго обнаружил, что сведений по этой категории лиц в Интернет не заложено, и ему пришлось обратиться за помощью к Потапову, у которого были данные на каждого, кто попросил российскую визу. Дело осложнялось тем, что представителям стран СНГ не нужны были российские визы – они могли приехать в Москву без оформления.

Именно поэтому Дронго прилетел в Лиссабон на день раньше, чтобы выспаться. Он понимал, что искать придется все равно среди огромного числа подозреваемых, каждый из которых мог оказаться именно тем человеком, которого опасались в Москве. Эдгар Вейдеманис, его постоянный помощник и друг, должен был прилететь на несколько дней позже, уже в Мадрид, чтобы не вызывать ненужных подозрений. К тому же он должен был закончить формальности с оформлением прибалтийских виз.

Отель «Шератон» находился недалеко от величественного монумента маркизу Помбалу, отстроившему Лиссабон после землетрясения. Стоящий на высоком постаменте маркиз вместе со львом открывали прекрасный вид на авеню Либертад, откуда можно было пройти в старый город.

Дронго проспал весь день и только четвертого утром поехал в отель «Альфа», где собирались участники встречи. Организация «Экспресса» была на высоте. Сидевшие в холле отеля специальные представители заботливо рассказывали приехавшим о программе, выдавали проспекты предстоящей встречи.

Вечером состоялся ужин в честь гостей. Сначала коротко выступил министр культуры Португалии, затем слово получил лауреат Нобелевской премии по литературе Жозе Саррамаго. Похожий на аристократичного французского шеголя времен Реставрации, этот писатель-мудрец был известен своими левыми коммунистическими взглядами, от которых он никогда не отказывался. Саррамаго говорил о единой Европе, и сидевшие в зале оживленно хлопали писателю.

Затем начались представления участников проекта. Дронго обратил внимание, что переводчиками и помощниками в группах были молодые симпатичные девушки, представители разных стран континента. В списке, который ему принесли, были отмечены и несколько супружеских пар. Это его несколько насторожило, и он сделал пометку – проверить. Предполагать наличие в семье сразу двух писателей было достаточно трудно, нужно было проверить, почему и как члены этих семей оказались в поездке вместе.

Он подошел к высокому бородатому молодому человеку, угадав в нем грузина.

– Здравствуйтесь, – вежливо поздоровался Дронго. – Вы из Тбилиси?

– Да, – обрадовался грузин, – меня зовут Георгий Мдивани, очень приятно. Нас здесь двое. И еще наш attendant, так называют наших кураторов-помощников. Он хорошо говорит по-английски и по-немецки. Очень толковый человек, я вас обязательно познакомлю.

– Обязательно, – улыбнулся Дронго, проходя дальше.

Саррамаго продолжал говорить о необходимости объединения Европы, о культурном многообразии старого континента, о надеждах на будущее. Дронго оказался за одним столом с испанцами, которые громко и весело обсуждали начало поездки.

В этот вечер Дронго познакомился с темпераментными испанцами, симпатичными белорусами, несколько флегматичными литовцами, которые выделялись своим высоким ростом, загадочными албанцами, которые молча просидели весь вечер, добродушными словаками, которые хорошо говорили по-русски.

«Интересно, – думал Дронго, – такое количество стран и языков. Как здесь выявить того, кто именно мне нужен? Не могу же я разговаривать с каждым. Это нереально. Здесь говорят на пятидесяти языках, а я могу общаться только с некоторыми из них».

Он смотрел на сидящих в зале. Более ста человек. Разные лица, разные расы, разные национальности. От светловолосых скандинавов до негров, от представителей кавказских республик до темных иберийцев, от славянских народов Восточной Европы до французов и немцев – здесь поистине было вавилонское смешение рас и языков. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. Маленький испанец, улыбаясь, протягивал руку.

– Меня зовут Карлос Казарес, – сказал испанец, – я вижу, вы смотрите на женщин. К счастью, с нами будет много женщин, и это несколько скрасит наше одиночество.

– Да, – вежливо согласился Дронго, – действительно, здорово. Вы из Мадрида?

– Нет, я из Галисии, – улыбаясь, ответил испанец. – От Испании несколько писателей. Один представляет басков, другой каталонцев, я от галисийцев, а наш замечательный писатель Альберто Порлан – от великой испанской литературы.

Дронго улыбнулся. Он снова почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся еще раз, но рядом никого не было.

На следующий день вся огромная делегация поехала в курортный городок Каишкаш. Мэр городка оказался добродушным толстяком, который был не только детским писателем, но и обладателем большого живота и густой бороды, делавшей его похожим на пирата. Мэр долго говорил о заслугах его городка, напомнил, что здесь любил бывать Цвейг и что об этом городе писал создатель знаменитого Джеймса Бонда, приключения которого проходили и в этом городке. Все вежливо слушали, улыбались.

Дронго еще издали увидел знакомое лицо, но подойти при всех к этому человеку ему было сложно. Чуть отстав от группы, Дронго обратился к одному из российских писателей, приехавших сюда несколько позже остальных:

– Михаил Николаевич, может, пойдём искупаемся?

Человек, к которому он обратился, был достаточно известным российским писателем, чьи книги широко издавались не только у него на родине. Он был высокого роста, с большим, чуть красноватым переломанным носом, подтянутый, словно бывший офицер, с крупными, резкими чертами лица. Мураев жил в Санкт-Петербурге и представлял здесь город, известный своими литературными традициями.

– Конечно, пойдём, – обрадовался он, – я с самого утра мечтаю искупаться.

Они вышли из небольшого особняка, где проходил прием, прошли охрану, объяснив, что собираются купаться, и начали спускаться вниз, осторожно ступая по камням. Неожиданно Дронго остановился.

– Извините меня, Михаил Николаевич, но я забыл свой пакет с плавками. Я его оставил в автобусе, думал, здесь искупаемся. Разрешите, я его сейчас принесу.

– Разумеется, – добродушно согласился Мураев, уже видя перед собой теплые волны атлантического побережья. Дронго повернул обратно. Мураев еще не успел раздеться, когда Дронго был уже наверху, где его ждал человек, лицо которого было ему знакомо.

– Я так и думал, что вы захотите со мной увидеться, – сказал тот, весело улыбаясь.

– Здравствуйте, Джеймс, – пожал ему руку Дронго. – Интересно, что делает в этом городке представитель английской разведки? Или вы оказались здесь случайно?

– Как и вы, Дронго, – усмехнулся англичанин, – вы ведь тоже случайно оказались в Каиш-каше с этими писателями. Или вы теперь пишете книги? Кажется, это английская традиция, когда бывшие шпионы пишут книги.

– В отличие от вас, Джеймс Планнинг, я никогда не был шпионом, – заметил Дронго, – даже когда меня арестовали в Шэнноне и допрашивали ваши коллеги из контрразведки. Такое тоже случалось в моей жизни, и думаю, вы об этом знаете. Но шпионом я не был. А ваша традиция мне известна. Флеминг, Ле Карре, Грэм Грин... Список можно долго продолжать.

– И вы решили стать писателем, – улыбнулся англичанин. Он был высокого роста, с открытым приятным лицом. На подбородке – легко обозначившаяся ямочка, глаза – карие, а уже начинавшие выпадать волосы – темные. Он был одет в белый элегантный костюм, в отличие от Дронго, на котором был серый костюм.

– Я иногда пишу статьи, – заметил Дронго, глядя вниз, где купался Мураев.

– Это ваш коллега? – поинтересовался англичанин.

– Это известный русский писатель. Может, вы мне объясните, чем вызван ваш интерес к этому городку? Только не говорите мне, что вы поклонник Бонда и приехали сюда посмотреть на места, связанные с его именем.

– Не скажу, – пообещал англичанин. – Я думаю, мы должны объясниться. Вы приехали по поручению русской разведки?

– Я вам уже объяснял, что не работаю на русскую разведку. Кстати, правильнее говорить – российскую. Я уже много лет как частный эксперт.

– Который часто выполняет разные государственные поручения, – пробормотал Планнинг. – Нам все известно, Дронго. И мы даже знаем, почему Москва так заинтересовалась этим проектом.

– Мне будет любопытно вас послушать, только отойдем отсюда, иначе Мураев меня увидит и обидится, что я не стал с ним купаться.

– Хорошо, – согласился англичанин, – только давайте откровенно. Не нужно обманывать друг друга.

– И это я слышу от представителя английской разведки, известной своим коварством во всем мире! – всплеснул руками Дронго. – Какое благородство! Тогда начинайте, я готов вас выслушать.

Они прошли чуть дальше и сели за столик на открытой веранде. Планнинг заказал себе виски без содовой, но со льдом, а Дронго попросил принести ему стакан минеральной воды.

– Сюда должен был прилететь Рэндал Эшли, – негромко сказал Планнинг, глядя перед собой. – Не нужно вам говорить, что наша контрразведка его давно вычислила. Он неплохо работал на Москву, получая приличные гонорары. Конечно, он не был русским агентом, но подарки и деньги не отказывался получать, чтобы сообщать нам вашу точку зрения на происходящие в мире процессы. Когда он пропал, его искали не только представители Скотланд-Ярда. Подозреваю, что его искали и сотрудники российских спецслужб...

– Как и английских, – вставил Дронго.

– Возможно, – осторожно заметил Планнинг, – как и английских. Но его не нашли. Мы уже тогда считали, что, возможно, русские решили убрать своего зарвавшегося журналиста, но не видели причин. Потом Эшли кто-то заменил на Мигеля Грейвза. Этот Грейвз такой же журналист, как я астронавт, но его рекомендовали из Берлина. Было нетрудно проверить и убедиться, что все это блеф. Однако кто-то заботливо оплатил все предстоящие расходы Грейвза. Подозрительность Москвы вызвала его болтливость, и он оказался в больнице с переломами ног. Перед этим его накачали спиртным, но наши эксперты уверены, что переломы ног – не результат автомобильной аварии. К тому же, болтун Грейвз довольно охотно рассказал поли-

цейским, что его похитили неизвестные и переломали ему ноги. Полицейские ему не поверили, но мы решили проверить. И выяснилось, что в тот день утренним рейсом в Лондон прилетел полковник Федеральной службы безопасности Баширов, который вечером был на приеме в посольстве. Конечно, это совпадение, но Грейвз оказался совсем не простым парнем. Он узнал Баширова среди предложенных ему фотографий, хотя тот был в гриме. Всего этого было достаточно, чтобы привлечь наше внимание к этому «Экспрессу». А теперь здесь появились и вы. Какая у вас программа, Дронго? Чего вы хотите?

– Потрясающая логика, – пробормотал Дронго, – только немного уточним акценты. Во-первых, Эшли действительно исчез, и «руки Москвы» здесь нет. Во-вторых, Грейвза рекомендовала не Москва. Иначе зачем было ломать ему ноги сразу после того, как его вставили в группу? Я не знаю, что именно случилось в Лондоне, и не хочу знать, но по здравым размышлениям выходит, что кто-то намеренно убрал Эшли, чтобы заменить его на Грейвза. Которому оплатили все расходы и дали липовые рекомендации. Возможно, это не понравилось спецслужбам России. Как видите, я достаточно откровенен с вами, Планнинг. Просто я хочу, чтобы вы почувствовали нашу общую заинтересованность в распутывании этого дела.

– Интересно, – сказал Планнинг, поворачиваясь к Дронго, – это вы придумали сейчас или была заранее заготовленная схема?

– Не будьте идиотом, – раздраженно ответил Дронго. – Неужели вы не можете логично мыслить?

В этот момент на повороте затормозила машина. У Планнинга оказалась отличная реакция. Он мгновенно заметил блеск автомата и, толкнув столик вперед, выставил его щитом перед собой, крикнув Дронго:

– Ложись!

Оба упали, и автоматная очередь прошла над их головами. Столик был пробит наискосок. Раздался звон битого стекла.

– Проклятье, – прошептал англичанин, чуть приподнимая голову, – кажется он стреляет именно в нас.

Белый БМВ, из которого стреляли, набирая скорость, рванул вперед. Дронго поднял голову, чтобы посмотреть, кто именно стрелял. В машине были двое. Он успел увидеть только их затылки.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго англичанина и начал осторожно подниматься, глядя в сторону уходящего автомобиля. – Кажется, они закончили наш спор по-своему.

– Я испачкал костюм, – невозмутимо заметил англичанин, поднимаясь следом за ним.

– Прекрасный костюм, – кивнул Дронго, отряхиваясь. – Почему все ваши разведчики одеваются от Бриони? Вам так хорошо платят?

– Это только я одеваюсь от Бриони, мистер Дронго, – недовольно заметил Планнинг, – остальные носят другие костюмы. Кстати, ваш костюм тоже пострадал. Вы изменили своим вкусам. Обычно вы носите костюмы от Валентине. А этот, кажется, от Ива Сен-Лорана? Почему такое непостоянство?

– Купил на распродаже, – мрачно пошутил Дронго. – Полагаю, что ваша разведка знает даже мой любимый парфюм.

– Для этого не нужно быть разведчиком. Достаточно подойти к вам на близкое расстояние, чтобы почувствовать запах «Фаренгейта». – Планнинг недовольно поморщился: со всех сторон к ним спешили люди. Он тихо спросил: – Кстати, у вас есть с собой оружие?

– Конечно, нет. Я как-то не предполагал, что в меня будут стрелять в Каишкаше. А у вас?

– У меня тоже нет, – признался англичанин.

Дронго озабоченно посмотрел в сторону уехавшего автомобиля.

– Надеюсь, они не вернуться, – пробормотал он, – иначе наши костюмы не придется сдавать в чистку – они нам больше не понадобятся.

К ним подбежал испуганный хозяин кафе. Опасливо подошли официантка и еще несколько взволнованных посетителей, видевших, как в них стреляли.

– Что случилось? – испуганно спросил хозяин. – Кто стрелял?

– Какие-то хулиганы, – улыбнулся Дронго, – не волнуйтесь. Они стреляли резиновыми пулями, – и он, незаметно вытащив застрявшую в стене за его спиной пулю, отдал ее Планнингу.

– Вы не успели заметить, в кого стреляли? – спросил Дронго. – В меня или в вас?

– Боюсь, что в вас, – усмехнулся Планнинг, – иначе я бы не успел среагировать.

– Я тоже так думаю, – вздохнул Дронго. – До свидания. Надеюсь, вы разберетесь с полицией, а заодно и подумаете над моими словами. Увидимся в Мадриде.

– Почему вы думаете, что я поеду за вами в Мадрид? – спросил Планнинг.

– У меня предчувствие, – ответил Дронго.

Он подошел к обрыву. Сверху по камням осторожно поднимался Мураев.

– Ну, как искупались? – спросил Дронго.

– Чудесно, вода совсем теплая. А вы почему не спустились?

– Автобус уехал, и я остался без своих плавок, – развел руками Дронго. – Ничего, надеюсь, что я еще успею искупаться. Идемте скорее, а то нас будут искать.

Таджикистан. 8 июня

Он был в маскировочной куртке без погон, и вошедший мялся у входа, не зная, как к нему обращаться.

– Язык проглотил, старший лейтенант? – строго спросил сидевший за столом человек. – Хватит стоять. Приведи задержанного, и чтобы я больше тебя не видел. Можешь считать себя свободным.

– Мы надели на него наручники, – сообщил старший лейтенант перед тем, как выйти.

– Сними и никого к нам не пускай.

– Извините, – сказал старший лейтенант, по-прежнему не зная, как обратиться, – но он может быть опасен.

– Я тоже опасен, – сказал человек в куртке, – сними наручники и никого к нам не пускай.

Когда старший лейтенант вышел, полковник ФСБ Баширов достал пистолет и положил его на стул рядом с собой. Двое солдат ввели человека, одетого в грязную рваную одежду. Его телогрейка была разорвана в двух местах – очевидно его брали с помощью собак. Баширов усмехнулся. На поиски задержанного ушло два дня и потребовались усилия двух отрядов пограничников вместе с таджикским спецназом. Здесь, в горах Таджикистана, была своя мера времени и своя цена людям. Баширову нужен был именно этот человек, и поэтому никакие усилия, направленные на его задержание, не шли в расчет. В донесении, посланном информатором с другой стороны, с территории, контролируемой талибами, говорилось, что границу должна перейти группа в составе четырех человек. Но Баширова более всего интересовал один человек из этой группы. Именно поэтому он уже несколько дней был на границе. Именно поэтому не жалели ни солдатских жизней, ни затраченных усилий. В процессе поисков погибли два солдата, еще несколько человек были ранены, но сведения, которые им передали, были точны, и человек, из-за которого Баширов прилетел в горы Таджикистана, был наконец схвачен.

Трагедия таджикского народа, трагедия этой горной республики, еще не понятая, не осознанная большинством цивилизованных государств, была даже не в том, что во время гражданской войны народ разделился на две части, и брат пошел на брата. Эта трагедия была прообразом будущего во многих республиках бывшего Советского Союза, особенно Средней Азии и Закавказья. Можно было сколько угодно смеяться над диктаторскими замашками Каримова, над прижизненными памятниками Ниязову, над полулиберальным авторитаризмом Назарбаева и Акаева, можно было сколько угодно осуждать режимы Алиева и Шеварднадзе, но истина от этого не менялась. Бывшие партийные секретари, успешно трансформировавшиеся в полудемократических президентов, стали оплотом стабильности в своих государствах. Только в Таджикистане не удалось установить подобной власти, и началась гражданская война. Только в Армении убрали законно избранного президента, заменив его на премьера, и ограничители, сдерживающие беззаконие, исчезли. И уже следующий премьер-министр и спикер парламента были убиты прямо во время заседания высшего органа страны.

Таджикистан стал прообразом будущих гражданских конфликтов, которые неминуемо должны были возникнуть в обществах с криминальной экономикой, повальным воровством, коррупцией, где преступные кланы, грабившие собственный народ, презирали сограждан, которые, в свою очередь, люто ненавидели обиравших их паразитов. Зачатки войны были в каждом обществе. Они проявились даже в Восточной Европе: на Украине президентам Кравчуку и Кучме пришлось лавировать между востоком, где преобладает русскоязычное население, и западом, где зарождается национальное самосознание. Они проникли даже в Молдавию, где Снегуру не удалось решить проблему Приднестровья, а следующий президент просто упустил власть из своих рук, и республика из президентской превратилась в парламентскую.

Но в Восточной Европе, втянутой в геоцентрическую орбиту интересов Запада и европейских структур, вопросы решались более цивилизованно, чем на Кавказе и в Средней Азии. Показателем в этом отношении была Россия, находящаяся и в Азии, и в Европе. С одной стороны, здесь дважды проводились выборы, пусть даже и не совсем корректные с точки зрения демократических норм. С другой стороны, именно в Москве был расстрелян собственный парламент, и выведенные на улицу танки били по зданию прямой наводкой.

И если трагедию в Москве демонстрировали телеканалы всего мира, то события в Таджикистане комментировались как факты, происходившие совсем в другой, «дикой» части света, где-то далеко, где находились беспокойный Афганистан и труднопредсказуемый Пакистан.

Задержанного, за которым Баширов устроил настоящую охоту, ввели в палатку и посадили на стул перед столом, за которым сидел полковник. Старший лейтенант взглянул на полковника, и тот молча кивнул ему, разрешая удалиться. Когда Баширов остался вдвоем с пленником, он поднял пистолет, показывая оружие задержанному.

– Давай сразу договоримся: без дурацких фокусов, иначе я тебя просто пристрелю.

– Кто ты такой? – спросил его задержанный, облизывая губы.

– А ты как думаешь? – спросил полковник.

– Смелый, – сказал задержанный, – и умный, – добавил он, чуть подумав, – я ведь шел сначала вверх по течению реки, а потом в горах хотел оторваться. А ты заранее туда собак высадил. Умный ты очень. Наверно, полковник или генерал.

– Хорошо соображаешь, Меликов, или мне называть тебя Мирзой, как тебя называли в горах Афганистана? Ты ведь бывший майор Советской Армии. Тебе тридцать восемь лет. Ушел с бандитами за границу в девяносто третьем. С тех пор там и сидишь. Три раза приходил к нам в гости. У тебя награды еще за прошлые войны. Продолжать или достаточно?..

– Хватит, – кивнул Меликов.

У него было заросшее густой щетиной, чуть опухшее удлиненное лицо. Крупный нос с горбинкой, кустистые брови, бритая голова. Внешне он ничем не отличался от тех боевиков и контрабандистов, которые ежедневно пытались перейти границу. Но полковник знал, что это обманчивое впечатление. Майор Меликов был одним из лучших специалистов по проведению террористических актов, ему не было равных на другой стороне. Именно поэтому прилетевший сюда Баширов приложил все свои силы, чтобы взять сидевшего перед ним человека живым.

– Я уже понял, что вам нужен, – сказал Меликов, – вы ведь меня «бережно» брали, старались не убить, даже собак отогнали, хотя одну я там положил сразу. Зачем я вам понадобился? Могли бы пристрелить, как собаку. Зачем вам со мной возиться?

– А русский язык ты еще не забыл, Меликов, – заметил полковник, – и акцента почти нет.

– Ты ведь все знаешь про меня, – хищно улыбнулся Меликов, показывая крупные зубы, – я ведь в Дербенте рос, в русской школе учился. Скажи, зачем ты за мной охотился? Я ведь чувствовал, что в меня вцепилась хорошая гончая собака. Не обижайся, но твои зубы я все время чувствовал.

– Может быть, – согласился Баширов, – ты ведь сам все понимаешь. Значит, нужен ты нам.

– И вы знали заранее, что я к вам приду, – продолжал Меликов. – Сведения оттуда получали? Тоже мне вояки. Я всегда говорил, что любой из них продаст меня за несколько долларов, которые ему заплатят. Вот и продали. А вы, наверно, им тоже платите, как и американцы. Поэтому они берут и у вас деньги, и у них. А потом ненавидят и вас, и их.

Он попытался изменить позу, но Баширов мгновенно поднял пистолет.

– Ты мою реакцию не проверяй, – на всякий случай посоветовал полковник, – если попытаешься встать со стула, получишь пулю в лоб. Сразу закончим разговор. Может, нам и не стоит его продолжать. Мирза, как ты думаешь? Давай, попробуй, встань со стула. Я жду...

Меликов смотрел на пистолет в руках полковника. Он понимал, что не успеет даже вскочить. Пуля попадет ему точно в голову. С трех метров этот человек не промахнется.

– Не нужно, – прохрипел он, – убери пистолет. Я не буду вставать. И скажи, что тебе нужно.

– Так лучше. – сказал Баширов, убирая пистолет. – я тлю, что твоя группа шла в Ташкент готовить террористический акт. Я даже не стану уточнять, где и когда. Все члены твоей группы убиты. Все, кроме тебя. Но для своих ты тоже убит. Мы уже передали сообщения, что на границе погибли четверо неизвестных, которые пытались прорваться в районе Пянджа. Поэтому для всех ты мертвец. Для всех, кроме меня.

Пленник нахмурился. Он чувствовал в словах говорившего силу. Он давно не беседовал с такими сильными людьми.

– Для всего мира ты убит, – продолжал Баширов, – а я хочу предложить тебе новую работу, новое имя, новый паспорт. Если мы договоримся, то ты можешь уехать куда захочешь – с новым паспортом. Если нет... Тогда твой труп завтра выдадут афганцам. Твой настоящий труп, Меликов, а не другой, которым мы завтра тебя заменим.

– Что ты хочешь? – спросил Меликов. – Не тяни.

– Ты ведь лучший специалист по террористическим актам? Мне нужно, чтобы ты один раз продемонстрировал свое мастерство. Только один раз, и, возможно, мы сохраним тебе жизнь.

– Ты хочешь, чтобы я работал на вас?! – изумился Меликов. – Ты будешь мне доверять?

– Никогда в жизни, – усмехнулся полковник, – но мы можем воспользоваться твоим опытом. И твоим мастерством.

– Зачем вам новые теракты в Ташкенте? – недоверчиво спросил Меликов. – Или вы хотите убрать Каримова? Он вас не устраивает? Стал слишком самостоятельным?

– Мышление питекантропа, – поморщился Баширов, – я думал, кроме мастерства у тебя ничего не осталось. Горный воздух прочищает мозги, и они у тебя сейчас, как у чабана.

– Значит, не Каримов, – понял Меликов, – значит, не он. Вы хотите здесь устранить Имамали Рахмонова и свалить все на нас? Хотите нашими руками?

Он увидел презрительное выражение на лице полковника и понял, что ошибся во второй раз. Меликов замолчал, прикусив разбитую губу. Он размышлял почти минуту. И неожиданно, вздрогнув, спросил:

– Я нужен вам в Москве?

– Может быть, – сказал полковник, – в любом случае мы должны договориться сегодня и здесь. Если тебя устраивают мои предложения, ты соглашаешься и летишь со мной. Получишь отсрочку от смерти. Иначе я выдам тебя таджикам, а они с тобой долго церемониться не будут. Или тебе больше нравятся узбекские тюрьмы? Если не хочешь в тюрьму... всегда можно умереть героем. Ты хочешь умереть героем?

Молчание длилось долго. Десять секунд, пятнадцать, двадцать. Наконец Меликов облизнул губы и сказал:

– Не хочу.

– Тогда будем работать, – кивнул Баширов, – и учти, что сегодня мы вылетаем в Ташкент. По дороге я тебе все объясню. Только одно неперемное условие. При малейшей попытке побега ты получаешь пулю в лоб. Или в спину. Охране приказано стрелять на поражение.

– Этого ты мог бы мне не говорить. Не маленький, сам догадался.

– Тогда договорились, и учти, что с этой секунды я должен знать о тебе все, даже твои сны, чтобы в случае необходимости контролировать и их. Голубев, – крикнул Баширов кому-то, стоявшему рядом с палаткой, – можешь войти.

В палатку вошел мужчина почти двухметрового роста. Он посмотрел на Меликова долгим тяжелым взглядом. Выражение его глаз не сулило задержанному ничего хорошего.

– Голубев будет твоим напарником, – сказал полковник, – и твоим палачом, если захочешь бежать.

– Хитрый ты, – вздохнул Меликов, – я думал, ты рассчитываешь только на свой пистолет, а ты, оказывается, держал за палаткой своего громилу.

– А я привык иметь страховку, – ответил Баширов, – на всякий случай. Так удобнее жить.

Мадрид. 9 июня

– Как ты мог согласиться на такую авантюру? – спросил Вейдеманис. – Ведь с самого начала было ясно, что это задача нереальная.

Они сидели в небольшом кафе на улице Сан-Мигеле, там, где были расположены небольшие латиноамериканские ресторанчики, столь любимые испанцами. Вейдеманис, прилетевший в Мадрид вчера вечером, встретился с Дронго, чтобы передать ему последние данные по проверкам, проведенным аналитической службой ФСБ.

– Почему нереальная? – усмехнулся Дронго, – в конце концов, их не так много. Всего сто сорок человек. Нужно вычислить одного или двоих. Я думаю, месяца, оставшегося до Москвы, мне хватит.

– Как это – двоих? – спросил Вейдеманис. Он пил свой любимый капучино, тогда как Дронго неизменно заказывал чай.

– Я думаю, что у исполнителя акции должен быть помощник. Если Грейвз все-таки не приехал, значит, вместо него мог появиться кто-то другой. Кстати, можешь передать Потопову, что ФСБ в Лондоне сработало очень грубо. Англичане довольно быстро все просчитали и прислали своего наблюдателя. Теперь у нас почетный эскорт из российской контрразведки и английской разведки.

– Кого прислали? – мрачно уточнил Эдгар.

– Планнинга, кого же еще? Джеймс Планнинг, один из лучших специалистов британской разведки. Кстати, в Каишкаше мы с ним едва не стали покойниками. Какой-то идиот решил поупражняться в стрельбе. Хорошо, что Планнинг успел заметить автомат раньше, чем в нас начали стрелять. Иначе тебе пришлось бы руководить отправкой моего тела, взяв на себя организацию почетных похорон. Хотя не уверен, что они были бы в таком случае почетными.

– Столько лет тебя знаю, и всегда мне трудно понять, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно, – пробормотал Вейдеманис.

Они были знакомы еще с тех пор, как Вейдеманис был приговорен к смерти тяжелым онкологическим заболеванием. Дронго удалось совершить чудо, он буквально вытащил Эдгара с того света, заставив сначала его поверить в возможность благоприятного исхода, а затем зарядив этой энергией всех окружающих. Врачи совершили невозможное, они вырезали правое легкое Вейдеманису, подарив ему оставшуюся часть жизни. С тех пор он не мог кричать и громко говорить. Эдгар Вейдеманис был бывшим сотрудником Первого главного управления КГБ СССР и оказался незаменимым помощником для Дронго. Они понимали друг друга буквально с полуслова. Молчаливый, сдержанный, внешне немного флегматичный Вейдеманис и многословный, веселый, всегда неунывающий сангвиник Дронго. Очевидно, в дружбе, как и в любви, сочетание противоположностей приносит лучшие результаты.

– Правда стреляли, – вздохнул Дронго, – только я почему-то полагаю, что они не очень хотели нас убить, скорее предупредить или испугать. У нас не было оружия, и они могли спокойно добить нас, выйдя из автомобиля. Но бандиты этого не сделали. Они предпочли уехать, что само по себе непонятно.

– Тебе нужно все бросить и вернуться домой, – предложил Вейдеманис, – это может быть очень опасно. Возможно, английская разведка и организовала это нападение.

– Рискуя таким агентом, как Планнинг? Или подставляя его под мое подозрение? Нет, это исключено. Здесь задействован третий фактор, о котором мы еще ничего не знаем. У тебя нет аспирина? У меня ужасно болит голова.

– Ты не выспался?

– Хуже. Я вчера во время переезда из Лиссабона в Мадрид попал за один столик с ирландцем и двумя русскими писателями. Можешь себе представить, сколько мы выпили. Отказаться

было невозможно. На нас смотрел весь вагон. И я подсознательно чувствовал, что среди смотрящих на меня есть некто, кто ждет моего поражения. Я чувствовал на себе обжигающий взгляд чужого человека, который хотел меня проверить. Пришлось пить наравне со всеми.

– Ты напился? – не поверил Вейдеманис.

– Не совсем. Видимо, после ранения у меня сдвинулся какой-то рычажок в голове, и я могу выпить гораздо больше, чем обычные люди, не теряя рассудка. Может быть, дело в моей комплекции. Я все-таки достаточно крупный человек, и меня трудно свалить обычной дозой.

– Вот это новость, – пробормотал потрясенный Вейдеманис, – не хватает еще, чтобы ты напивался.

– Этого не будет, – успокоил его Дронго. – Ты привез мне списки? С некоторыми я уже познакомился и сделал для себя некоторые пометки. С другими еще не успел. Интересно, совпадут ли результаты моих наблюдений с твоими списками.

– У вас в группе должны быть три семейные пары, – начал говорить по памяти Вейдеманис, – это испанцы Мария Глория Мануэль и Альберто Порлан, украинцы Андрей Бондаренко и Екатерина Вотанова, а также турки Тургай и Фатима Фисекчи. Мы проверили все три пары. Мужья действительно литераторы. Но интересный факт. Альберто Порлан пишет об истории среднеазиатских народов, о средневековой истории этих народов. И неоднократно бывал в бывшем СССР. Андрей Бондаренко довольно молодой человек, он учился в православной семинарии, когда вдруг неожиданно решил все изменить и стать поэтом.

– Это нужно рассматривать как подозрительное обстоятельство? – усмехнулся Дронго. – С каких это пор вера в Бога становится основанием для подозрения?

– Они не могут установить, почему он так неожиданно решил изменить свою жизнь. При этом его старший брат живет в России. У Бондаренко интересные взгляды на будущее Украины, на ее отношения с Россией. Кстати, в группе у вас еще двое украинцев – Юрий Семухович и Микола Зинчук. Оба не скрывают своего настороженного отношения к Москве. Они умеренные националисты.

– Как и все национальные писатели, – кивнул Дронго, – это понятно. Каждому из них хочется развития собственного языка, роста популярности своей литературы. Но на этом основании я не могу подозревать всех поэтов, которые едут в Москву.

– Не все из них поэты и писатели, – тихо сказал Вейдеманис. Он сделал знак официанту, чтобы тот принес еще одну чашку кофе. – О семейных парах мы поговорили. Ты хотел иметь данные на все три семьи, я их привез. Когда встанешь, возьми газету, которая лежит на другом стуле. Там все данные.

– И это все, что смогли установить в ФСБ за несколько дней?

– Нет, конечно. Теперь список наиболее подозрительных лиц. Первый из них – Яцек Пацоха. Он полковник польской разведки, отлично владеет восемью европейскими языками, в том числе и русским. В вашей группе он официальный представитель польского государства и проходит как журналист. Учитывая, что в Польше вы будете встречаться с президентом Квасьневским, его появление должно быть оправданно, но в Москве всегда настороженно относились к представителям польских спецслужб, особенно сейчас, когда отношения Москвы и Варшавы переживают не лучшие времена. Они рекомендуют обратить на него особое внимание.

– Ясно. Это номер первый. Я наблюдал за ним. Он говорит с каждым из членов группы на его языке. Такой необычный полиглот. Кто следующий?

– Еужений Алисанка, литовский представитель. Официально он едет как журналист и прозаик. На самом деле он бывший капитан Советской Армии, кстати, ушедший в отставку уже в начале девяностых. Мы получили данные из его части. Он был замполитом, и на него пришли абсолютно блестящие характеристики. Его коэффициент интеллекта бьет такие рекорды, словно он академик, а не обычный офицер. Прекрасно подготовлен физически...

– Я знаю, кто это, – вспомнил Дронго, – высокий красивый молодой человек. У него небольшая бородка и волосы завязаны таким узелком на затылке. Кстати, он, по-моему, выше меня ростом. Значит, где-то метр девяносто и больше. Что ты говоришь про коэффициент интеллекта?

– Более ста тридцати единиц, для обычного офицера это абсолютный рекорд. Некоторое время он работал в Союзе писателей. Очевидно, он тоже представляет официальные литовские власти, так как в Вильнюсе намечена встреча с президентом Литвы.

– По-моему, в ФСБ сидят халтурщики, – недовольно заметил Дронго. – Они отбирали только тех, кто официально будет представлять свои государства? В таком случае, нужно было прислать мне список всех зарегистрированных представителей от каждой страны.

– Подробные данные на каждого из участников ты можешь получить на свой компьютер, подключившись через Интернет, – заметил Вейдеманис. Официант принес ему вторую чашку кофе. – Другие данные лежат здесь, – добавил Эдгар.

– Значит, только эти двое и попали под подозрение Москвы? – спросил Дронго.

– Нет. Еще три человека. Словенец Алеш Дивжак, молодой человек известен своими националистическими убеждениями. Принимал участие в боевых действиях против сербов. Часто заявлял, что ненавидит Югославию и Россию. Но в Москву ехать не отказался.

– Это уже интереснее. Кто еще?

– Павел Борисов. Журналист, издатель, поэт, переводчик. Постоянно проживает во Франции, но в поездку отправился как представитель Болгарии. По нашим данным, связан с французской разведкой, выполнял ее отдельные поручения. Владеет шестью языками, в том числе и русским.

– Дальше, – Дронго уже не комментировал, он только слушал.

– И пятый – Пьер Густафсон, представитель Швеции. Ему сорок два года. Он был наемником в Конго двадцать лет назад. Нечистоплотный тип. Связан с торговлей наркотиками. Четыре года назад был задержан в Бостоне американским управлением по борьбе с наркотиками. Они его выдворили из страны, но ничего доказать не смогли. Он прилетел сюда как независимый журналист, который будет освещать вашу поездку для одного из каналов шведского телевидения.

– У меня такое ощущение, что это группа агентов и бывших разведчиков, а не известные на весь мир писатели и поэты.

– Половина на половину, там есть действительно очень известные люди. Бельгийский поэт Камиль Ваньоль, русский писатель лауреат антибукеровской премии Алексей Харламов, известный латышский поэт президент ПЕН-клуба Марис Чаклаис, Гленн Патерсон из Великобритании, Майкл Маккормик из Ирландии, знаменитый французский поэт Жак Жуэ...

– Ты выучил наизусть весь список? – удивился Дронго.

– Я потерял здоровье, но сохранил память, – невозмутимо заметил Вейдеманис. – Чтобы не терять даром время, я выучил биографии каждого из участников вашей поездки. Там действительно много очень известных людей. Очень.

– От этого мне не легче.

– Да, – согласился Вейдеманис, – тот, кто тебе нужен, может скрываться под очень хорошей биографией. И тебе будет трудно его обнаружить, пока вы не приедете в Москву. Ведь он не должен себя выдавать пока не придет его время. А тебе нужно его вычислить.

– Надеюсь, успею сделать это до Москвы. У тебя есть еще что-нибудь?

– Есть. Аналитики из ФСБ просчитали все варианты и пришли к одному, самому неприятному...

– Твоя неторопливая манера разговаривать может меня убить, – пожаловался Дронго. – Что они решили?

– Судя по всему, готовится покушение на президента России, – невозмутимо сообщил Вейдеманис, – и возможно, убийца прибудет в этом литературном поезде. Возможно, он попытается нанести удар во время встречи с президентом. Этот вариант они рассматривают как наиболее возможный.

– Значит, они полагают, что покушение возможно?

– Они считают, что да. Их источники сообщают, что за покушение уже обещаны большие деньги. И есть конкретные заказчики.

– Понятно. – Дронго взглянул на часы. – Сегодня вечером будет пресс-конференция. Я должен на нее успеть. В каком отеле ты остановился, Эдгар?

– В «Калифорнии», на Гран Виа, где живешь и ты.

Сто сорок человек следовавших в «Литературном экспрессе» были размещены по нескольким отелям Мадрида. Дронго попал в отель «Трип Гран Виа», расположенный в ста метрах от отеля «Калифорния».

– Откуда ты узнал, где я буду жить? – не понял Дронго. – Я сам узнал об этом только вчера ночью, когда мы приехали в Мадрид.

– У меня удостоверение журналиста, – пояснил Вейдеманис, – я поехал в Министерство печати и узнал, где будут жить участники вашей группы. Там уже было подробное расписание. И только потом я отправился искать себе отель.

– Ну вот тебе и поезд шпионов, – засмеялся Дронго, – так легко узнать все, что тебе нужно.

– Нелегко, – возразил Вейдеманис, – нелегко. Я проверил. Кто-то четырнадцать раз запрашивал данные на тебя через Интернет. Четырнадцать раз, Дронго! Значит, тобой интересовались, как минимум, четырнадцать человек. Ты понимаешь, что другие спецслужбы тоже проверяют все списки и не оставят без внимания твое появление. Я думаю, будет правильно, если ты получишь оружие. Так будет спокойнее.

– Нет, – ответил Дронго. – Оружие – самая ненадежная защита на свете. Ты, бывший разведчик, это прекрасно знаешь. У меня есть более надежная защита.

Он поднялся, оставив деньги за чай и кофе на столике. Взял газеты.

– Ты имеешь в виду свою голову? – впервые за время разговора улыбнулся Вейдеманис.

– Нет. Я имею в виду своего друга. Тебя, Вейдеманис, – сказал Дронго серьезно.

Вейдеманис пожал плечами, а Дронго поспешил к проходившему мимо такси, чтобы успеть переодеться в отеле и принять душ до того, как начнется пресс-конференция.

Москва. 9 июня

Вертолет приземлился на отведенную площадку. Первым спрыгнул на землю полковник Баширов, за ним Мирза Меликов, а третьим – Голубев, неотлучно находившийся при пленнике все это время. Автомобиль ждал рядом с вертолетной площадкой. Баширов уселся рядом с молчаливым водителем. Голубев и Меликов разместились на заднем сидении, и машина тронулась.

Все сидевшие в салоне молчали. Машина прошла несколько километров и свернула на проселочную дорогу, ведущую к окруженному высоким забором двухэтажному дому. Ворота были уже открыты. Машина въехала во двор и остановилась. Первым вышел Баширов. Двое охранников поспешили захлопнуть ворота.

– Выходите, – приказал полковник, – мы приехали.

Мирза вышел первым. Он был уже чисто выбрит и теперь выглядел удивительно молодым. Вместе с Голубевым они прошли в дом. Баширов обошел дом со всех сторон и вошел следом. Мирза сидел на стуле, когда полковник подошел к нему.

– Я думаю, ты уже понял, что мы прилетели в Подмоскowie, – сказал полковник, усаживаясь напротив.

– Наверно, – кивнул пленник, – но не могу понять, зачем я вам нужен.

– Увидим, – загадочно сказал Баширов, – может, нам понадобятся твои консультации.

– У вас специалистов и без меня хватает, – ухмыльнулся Мирза, – напрасно ты играешь со мной в кошки-мышки, майор, – Баширов разрешил называть себя именно так.

– В каком смысле?

– Зачем я вам нужен?

– Я тебе уже ответил.

– Это не ответ.

– Другого не будет.

Голубев стоял за спиной пленника, неподвижной массой нависая над ними.

– Хотите меня подставить? – неожиданно спросил Мирза. – Вам нужен оппозиционер из Таджикистана, чтобы свалить на меня какую-нибудь пакость?

– А если и так, что тогда? – спросил с любопытством Баширов. – Ты смотри, какие у тебя мозги стали. Я думал, у вас в горах идет процесс отупления, а ты, оказывается, еще не разучился анализировать.

– Хватит темнить. Скажи, что со мной сделают.

– Я тебе уже говорил, – усмехнулся Баширов, – если хочешь, могу повторить. Но больше повторять не буду. У тебя есть два выхода. Один – работать на меня, и пока ты работаешь, ты будешь жить. Второй – умереть немедленно...

Он взглянул на Голубева, тот быстрым движением достал пистолет, левой рукой схватил пленника за волосы и, запрокинув его голову назад, приставил пистолет к виску.

– Можешь выбирать, – негромко сказал Баширов, – что тебе больше нравится. Или умираешь немедленно, или живешь вместе с нами. Хочешь умереть – скажи сейчас, потом будет поздно.

– Отпусти, – прохрипел Меликов.

Голубев взглянул на полковника. Тот кивнул, разрешая отпустить пленника. Мирза с ненавистью взглянул на отпустившего его Голубева и пробормотал:

– Когда-нибудь я тебя убью.

– Можешь вызвать его на кулачный бой, – зло усмехнулся Баширов, – но только после того как сделаешь работу на нас. Я сейчас принесу планы, покажу тебе расстановку. Мне нужно, чтобы ты продумал схему диверсионного акта. И учти, что мы не мясники. Нас интере-

сует гибель одного конкретного человека. Совсем не обязательно, чтобы вместе с ним погибло много людей.

– Я уже догадался, что вы вегетарианцы, – огрызнулся Меликов.

– У тебя проснулось чувство юмора, – задумчиво сказал полковник, – это гораздо лучше для нашей работы и хуже для наших отношений. Люди с чувством юмора способны на неожиданные, часто экстравагантные поступки, я много раз это замечал. Надеюсь, что твое чувство юмора будет задавлено уже сегодня.

Меликов промолчал.

– И последнее, – сказал Баширов, – ты будешь жить на этой даче. Кроме Голубева, с тобой постоянно будут находиться трое охранников. Я говорил, что у них есть приказ стрелять на поражение. Но хочу тебе объяснить еще один момент. Если только ты попытаешься бежать... Бежать отсюда невозможно, можно только попытаться, но в таком случае я прикажу сломать тебе ноги и руки. Они мне только мешают и для выполнения нашей задачи не нужны. Мне нужна твоя голова, Меликов. А ею можно пользоваться и без конечностей. Ты меня понимаешь?

– Вполне, – облизнул губы Мирза, – ну и сукин ты сын. Я как-то не верю, что ты дослужился только до майора. Такая сволочь как ты должна иметь звание не ниже полковника. Или я не прав?

– Это мы обсудим в следующий раз, – зло ответил Баширов, – а сейчас займемся нашими схемами. Я покажу тебе несколько схем диверсионного акта, а ты предложишь наиболее удобную. И постарайся не ошибаться, сам понимаешь: от качества твоей работы зависит твоя дальнейшая судьба.

– Слушай, полковник, – демонстративно назвал Баширова этим званием Меликов, – я понимаю, зачем меня привезли, и понимаю, что ты готовишь. Не считай меня дураком, никуда ты меня потом не отпустишь и обязательно прикончишь. Это я по твоим «добрым» глазам вижу. Поэтому давай начистоту. Если я тебе нужен, обеспечь мне нормальную жизнь.

– Что значит нормальную? – уточнил Баширов.

– Еда и женщины, – улыбнулся Меликов, – или это очень сложно для вас?

Баширов взглянул на молчаливо стоящего Голубева. Затем сказал:

– Можешь составить заказы, я скажу, чтобы еду тебе привозили из ресторанов. А насчет женщин... Может, тебя все-таки устроит общество мужчин? Сам понимаешь – нельзя сюда привозить чужих, иначе потом нам придется перекопать всю дачу, чтобы прятать куда-нибудь трупы. Ты ведь уже понял, что в живых мы никого оставлять не будем.

Он смотрел в лицо пленнику. Молчание длилось несколько секунд, наконец Меликов отвел глаза и громко выругался.

– Вот так-то лучше, – сказал Баширов, – а теперь займемся нашими делами. И выбрось из головы все остальные мысли. Иначе умрешь, не успев попробовать заказанную еду.

Меликов мрачно смотрел на него. Но на этот раз он промолчал, не решаясь что-либо сказать. А стоявший за его спиной Голубев впервые за все время усмехнулся. Полковник мог переиграть кого угодно, был убежден Голубев. Они были знакомы с Башировым много лет, и полковник всегда восхищал Голубева своей чудовищной рациональной логикой и хладнокровной жестокостью, помогавшими ему в самых разных ситуациях.

Мадрид. 9 июня

Пресс-конференция началась ровно в двенадцать часов дня. Перед собравшимися выступали официальные лица, представители испанских министерств и ведомств. Большой зал на триста человек был переполнен, некоторые даже стояли в проходе – настолько велик был интерес к проходившему через столицу Испании уникальному «Литературному экспрессу». Вопросы задавали не только чиновникам, но и руководителю проекта с немецкой стороны Томасу Вольфарту.

Обстоятельный, неторопливый Вольфарт отвечал на двух языках – немецком и английском, давая разъяснения по каждому вопросу, интересовавшему журналистов.

Дронго сидел рядом с Георгием Мдивани. Они были примерно одного роста, одного телосложения. Рядом с Георгием всегда находился молодой литератор из Грузии Важа Бугадзе, который, несмотря на свой двадцатидвухлетний возраст, был популярным драматургом в Грузии.

– Ты только посмотри, сколько здесь людей, – удивлялся Георгий, – я не думал, что в Европе к нам проявят такой интерес. Конечно, я понимал уникальность этого проекта, но столько журналистов...

– Здесь еще и дипломаты, – сказал Дронго, услышав слова Томаса Вольфарта о том, что все заинтересованные страны выразили согласие с проектом, а на сегодняшней пресс-конференции присутствуют представители многих стран Европы, участвующих в «Экспрессе».

Дронго обратил внимание на Пацоху. Польский представитель обычно ходил в джинсовом костюме. У него была колоритная внешность, светлые глаза, небольшая щетина на аристократическом, несколько удлинённом лице и серьга в левом ухе. Словом, его можно было принять за кого угодно, только не за полковника польской разведки.

К нему под села молодая красивая женщина. У нее были длинные до плеч каштановые волосы, курносый носик, миндалевидные глаза и мягкие губы. Женщина, почувствовав на себе взгляд, обернулась и, увидев пристально смотревшего на нее Дронго, чуть покраснела.

– Ты так смотришь на эту девочку, что можешь сделать в ней дырку, – раздался за спиной хриловатый голос.

Дронго обернулся. Рядом стоял Павел Борисов. С болгарина можно было рисовать древних греков: курчавые темные волосы, прямой нос, заросшее темной бородой лицо, большие выпуклые глаза. Он был среднего роста, но из-за своей колоритной внешности казался выше.

– Постараюсь не причинять ей вреда, – пошутил Дронго. – А ты не знаешь, кто это такая?

– Это тебя так волнует? – подозрительно прищурился Павел. – Или тебя волнует любой, кто оказывается рядом с Яцеком?

– Ты что, его личный телохранитель? – парировал Дронго. – Меня интересует красивая женщина, а не твои сентенции. Кто она такая?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Борисов. – Может быть, местная журналистка. Хотя на испанку она совсем непохожа. Может, она полька? Так говорят по-русски? Нет, кажется, правильно будет «полячка»?

– Ты поразительно хорошо знаешь русский язык, – заметил Дронго, – и говоришь достаточно чисто для болгарина.

– Я переводил Бунина и Набокова на болгарский язык, издавал Пастернака и Мандельштама, – заметил Павел.

– Прекрасно. – Дронго увидел, как молодая женщина попрощалась с Яцеком и пошла к выходу. Извинившись перед Борисовым, он поспешил за ней.

Незнакомка уже вышла из зала, когда он ее догнал. По-польски он знал лишь несколько слов. У нее была славянская внешность, Борисов не ошибался, она была явно не испанка.

– Прошу бардзо, – начал по-польски Дронго.

Женщина обернулась. В ее глазах было любопытство. «Интересно, что общего у нее с Яцеком Пацохой?» – подумал Дронго.

– Вы говорите по-русски? – спросил он неожиданно. – Такая красивая женщина должна знать и другие языки.

Незнакомка улыбнулась. Ей был приятен комплимент.

– Я говорю по-русски, – ответила она, – и могу понять, когда мне говорят комплименты.

Она говорила не просто хорошо, она даже правильно ставила ударения, что не всегда делали поляки, даже в совершенстве владеющие русским языком.

– Потрясающе, – пробормотал Дронго, – я обратил на вас внимание еще в зале.

– Я заметила, как вы на меня смотрели, – сказала она, – извините, но я тороплюсь на работу.

– Это вы извините меня, – пробормотал Дронго, – но отпустить такую красивую женщину было бы непростительной глупостью с моей стороны. Может, мы с вами встретимся?

– Я не могу, – ответила она, – я должна вернуться в наше посольство.

– Вы работаете в посольстве? – понял Дронго. – Вы дипломат?

Она замерла. Кажется, ей было неприятно, что она проговорила.

– Да, – наконец сказала она, чуть подумав, – я работаю в посольстве. В польском посольстве. Но я не дипломат. Я только на... Как это по-русски... на стажировке. Я приехала в Мадрид только на один год.

– Как мне повезло, – сказал Дронго, – значит, у нас есть повод сегодня вечером встретиться.

– Почему? – поинтересовалась она.

– Вы знаете Мадрид и можете порекомендовать мне самый хороший ресторан в городе.

Она усмехнулась.

– Самый хороший ресторан – это самый дорогой ресторан, – сказала она с некоторой практичностью. И, чуть подумав, добавила: – Это, наверно, ресторан в отеле «Ритц».

– Вот и прекрасно, – сказал Дронго, – я приглашаю вас вечером приехать в отель «Ритц». К семи часам вас устроит?

– В «Ритц»?

Она явно заинтересовалась этим наглым незнакомцем. И смерила его взглядом с головы до ног. Он был одет в светлые брюки, купленные в лондонском «Харродсе». Обувь и ремень были от Балли. Собственно, он никогда не носил ремни другой фирмы и не надевал другой обуви. Очевидно, она осталась довольна осмотром, но, тем не менее, с прежней практичностью спросила:

– У вас так много денег, чтобы ужинать в «Ритце»?

– У меня хватит денег, чтобы пригласить вас на ужин. – усмехнулся Дронго, – можете не беспокоиться. В крайнем случае, мы заплатим вдвоем.

– Я не смогу заплатить, – сразу ответила она, но, поняв, что он пошутил, улыбнулась и спросила: – Как вас зовут?

Он назвал свое имя. Затем добавил:

– Вообще-то все называют меня Дронго.

– Это такое красивое имя?

– Название птицы.

– Интересно, – вежливо сказала она, – а меня зовут Моника. Моника Эклер.

– У вас красивое имя и необычная фамилия. – заметил Дронго.

– Я полька. Мой отец чистокровный поляк, а мама была наполовину белоруска. Так можно говорить?

– Лучше сказать – из Белоруссии. Теперь я понимаю, откуда вы знаете русский язык.

– Я училась в школе лучше всех. Я сдавала специальный экзамен по русскому языку, – сказала Моника, – и у меня были только пятерки.

Дронго не стал уточнять, почему она сказала о матери в прошедшем времени и где именно она сдавала специальный экзамен. Все это можно было узнать сегодня вечером за ужином. Он уже обратил внимание, что при выходе из зала, на ступеньках, сидела симпатичная украинка и читала книгу. Она подняла голову и смотрела на Дронго и Моника.

– Значит, договорились? – спросил Дронго. – В семь часов у ресторана «Ритц»?

– Хорошо, – кивнула Моника, – я обязательно приду.

Проводив ее до выхода, он подошел к украинке. Это была Екатерина Вотанова, attendant украинской группы. Она была чуть ниже среднего роста, ходила обычно в брюках, носила короткую прическу, явно придав своим темным волосам красноватый оттенок, имела не совсем характерный для украинки нос с горбинкой, упрямые тонкие губы и красивые светло-зеленые глаза. Дронго поразил ее внимательный взгляд еще при первой встрече. Вотанова находилась в поездке вместе со своим молодым мужем – поэтом Андреем Бондаренко. Ей было двадцать четыре, а мужу двадцать шесть. Дронго вспомнил, что про эту семейную пару ему говорил Вейдеманис.

– Интересная книга? – спросил он Вотанову.

– Интересная, – с явным вызовом ответила она, закрывая книгу.

Дронго чуть наклонился и разобрал, что это стихи Андрея Бондаренко.

– Вы читаете только стихи своего мужа? – улыбнулся Дронго.

– Такие у меня предпочтения, – сказала она равнодушно, – кажется, вы уже сумели пригласить одну даму на ужин.

– Вы слышали наш разговор, – понял Дронго.

– Вы говорили так громко, что вас невозможно было не услышать, – заметила Вотанова.

– Это последствие ранения, – признался Дронго, – извините, если я вам помешал читать стихи. Я бы с удовольствием пригласил и вас на ужин, но, к сожалению, не могу.

– Почему? – она подняла голову.

– Вы с мужем, – объяснил он, – а значит, уже заняты.

– Какой вы целомудренный, – улыбнулась женщина.

– Это я с виду произвожу впечатление старого, глупого и лысого человека. На самом деле я молодой и пушистый. Кстати, по возрасту я гожусь вам в отцы. Мне сорок один, а вам двадцать четыре.

– На моего папу вы явно не тянете, – рассмеялась молодая женщина. – А откуда вы знаете, сколько мне лет?

– Я регулярно читаю в Интернете все сообщения о нашей группе. Это же интересно знать, с кем именно собираешься провести ближайшие два месяца.

– И вас впечатляет эта поездка?

– Очень, – с воодушевлением ответил он, – я просто в восторге.

Он отошел от нее. Неизвестно почему, но ему понравились и ее несколько дерзкие ответы, и ее глаза. Странно, что у этой молодой симпатичной женщины были такие умные глаза. «Кажется, во мне говорит женоненавистник», – подумал Дронго. – Или идиот». Почему у красивой женщины не может быть умных глаз? Впрочем, нет, как правило, это не совпадает. И дело не в самой женщине. Красивая женщина с детства находится в окружении восхищенных мужчин и считает, что для подлинного совершенства ей не обязательно развивать свой ум. Достаточно удачно выйти замуж. Очевидно, Вотанова принадлежала к другой категории женщин, которые предпочитают добиваться всего собственными усилиями.

Он вышел из здания. В саду на скамейке сидел Пьер Густафсон. Увидев Дронго, он отвернулся. У Густафсона с утра явно было плохое настроение. Дронго прошел дальше не останов-

ливаясь. Он понимал, что швед сейчас не захочет ни с кем разговаривать. Однако неожиданно он услышал грубый голос Густафсона:

– Там наконец закончили эту пресс-конференцию?

– Да, – сказал Дронго, поворачиваясь к нему. – А вам, кажется, неинтересно там присутствовать?

– Мне вообще неинтересно жить, – поморщился Пьер.

На его заросшем рыжей щетиной лице было отвращение и к этому солнцу, и к этому городу, и к своему собеседнику.

– В таком случае не нужно было соглашаться на участие в «Экспрессе», – спокойно заметил Дронго, – ведь вы могли отказаться.

– А вы зачем согласились? – огрызнулся Пьер. – Здесь половина писателей, а вторая половина – агенты, готовые истребить друг друга. И у всех свои задачи. И мне не нравится ни этот «Экспресс», ни его участники, ни вы лично.

– Вы пьяны, Пьер, – хладнокровно заметил Дронго, – и вам лучше проспаться. Идите в отель и ложитесь спать.

– Мне еще только учителей не хватало, – поморщился Густафсон, – сам знаю, что мне делать.

– Опять напился? – услышал Дронго громкий голос за спиной и обернулся. Это был Павел Борисов.

– Извини его, – сказал болгарин, – мы всю ночь вместе пили. Это жара так на него действует. Он северный человек, не привык к жаре.

– А мне казалось, что вам должна нравиться такая погода, Пьер, – заметил Дронго.

Густафсон вздрогнул. Посмотрев на Дронго, он мрачно, с явной угрозой поинтересовался:

– Кто вам рассказал про меня? Или вы тоже из этих?

– До свидания, – не ответив на вопрос, Дронго прошел дальше.

У выхода стояло несколько человек. Босниец Мехмед Селимович разговаривал с представителями Лихтенштейна и Андорры. Словно в насмешку, от этих карликовых государств были представлены два гиганта, один из которых был даже выше Дронго. Стефан Шпрингер из Лихтенштейна был высоким белокурым мужчиной, а Альваро Бискарги из Андорры – типичным представителем иберийских народов, словно сошедшим с картин времен Реконксты. Все смеялись, слушая Шпрингера, который рассказывал анекдоты. Мехмед Селимович был невысокого роста, горбоносый, с пронзительными темными живыми глазами. У него были небольшие усики, и внешне он сильно отличался от другого представителя Боснии – Нехада Величковича, интеллектуала в очках и с тонкой шеей.

Несколько в стороне стояли две молодые женщины. Датчанка Мулайма Сингх и Мэрриет Меестер из Нидерландов. Первая была немного похожа на певицу Жанну Агузарову. Длинная коса, несколько вытянутое лицо, большой нос, не портивший ее красивого лица, живые глаза. Мулайма постоянно улыбалась, словно не испытывала дефицита хорошего настроения. Ее коллегу из Голландии отличали спокойная изысканная красота холеной женщины. Она была высокого роста, с чуть вздернутым носиком, у нее были роскошные рыжие волосы, длинные ресницы, правильный овал лица. Ей было уже под сорок, но она сохранила и стройную фигуру, и красоту. Интересно, что на своих визитных карточках Мэрриет Меестер снималась босиком и с лебедем в руках.

Дронго вышел на улицу. Было тепло. Он перешел дорогу и оказался у главного почтамта испанской столицы, наминавшего дворец. Он взглянул на часы: до встречи с Моникой он еще успеет немного отдохнуть и принять душ.

Вечером, ровно в семь часов, он стоял в холле отеля «Ритц», ожидая Моника. Дронго успел переодеться и заказать столик. Отель «Ритц» находился рядом с легендарным оте-

лем «Эль-Прадо» и справедливо считался одной из жемчужин гостиничного бизнеса всего Пиренейского полуострова. Ресторан отеля «Ритц», расположенный в саду, был не просто местом, где поглощали вкусную еду. Сюда приходили, чтобы продемонстрировать уровень своего благосостояния. Здесь назначались важные деловые встречи и проводились переговоры. В отеле обычно жили руководители правительственных делегаций, министры, премьер-министры, прибывающие в Испанию во время официальных визитов.

Было уже десять минут восьмого, а Моника все еще не появлялась. Раздосадованный Дронго вышел на улицу. В ресторан можно было попасть и с проспекта Дель Прадо. Но и здесь никого не было. Дронго обошел ресторан, это начинало его забавлять. Он снова вернулся на исходное место. Было пятнадцать минут восьмого.

И в этот момент на другой стороне широкого проспекта он увидел идущих вместе Яцека Пацоху и Монику Эклер. Решение было принято мгновенно. Он поспешно пересек проспект и столкнулся с поляками у отеля «Палас». Моника была в другом платье, она успела переодеться. Волосы ее были собраны на затылке.

– Это вы? – удивилась Моника. – Я не думала, что вы говорите серьезно.

– Когда я приглашаю даму на ужин, я всегда говорю серьезно. – заметил Дронго.

– Вот так ты пристаешь к польским женщинам, – полушутя вставил Яцек. Он был в джинсах и легкой полосатой майке.

– Я вообще считаю, что самые красивые женщины в Европе – это польские женщины. И итальянские. – быстро добавил Дронго.

– А я считаю самыми красивыми немецких женщин, – заметил Яцек, подмигнув Дронго, – но больше всего красавиц я видел в Москве.

В группе «Экспресса» ни для кого не было секретом, что Яцек ухаживал за представительницей Германии – Нелли Мёллер, миловидной молодой женщиной. Она училась в Ленинграде, и с Пацохой они часто говорили по-русски. Впрочем, Яцек одинаково хорошо говорил и по-русски, и по-немецки.

– Понимаю, – серьезно сказал Дронго, – у каждого свой вкус. Но я, кажется, не мешал тебе ухаживать за немецкими женщинами.

– А я не препятствую тебе ухаживать за польскими, – парировал Пацоха.

– Господин Пацоха, вы разрешите мне пригласить вашу даму в ресторан? – официальным тоном обратился к нему Дронго. – Или она тоже должна спрашивать вашего разрешения?

– Ради бога, – поднял руки Яцек, – вы можете идти куда хотите. Если Моника согласна, я не могу возражать.

– Идемте в ресторан. Моника, – Дронго протянул ей руку.

Она посмотрела на Пацоху, потом нерешительно кивнула. И подала Дронго руку. Тот благодарно произнес, обращаясь к Яцеку:

– Ты третий поляк в истории Польши.

– Почему третий? – удивился Яцек. – А кто первые два?

– Адам Мицкевич и ваш президент Квасьневский, – пошутил Дронго.

– Я согласен быть третьим поляком, – засмеялся Яцек. – До свидания. Приятного вам вечера.

Перейдя проспект, они направились к ресторану. Поспешивший к ним метрдотель провёл их на лучшие места. Предупредительно принес меню и карту вин.

– Выбирайте сами, Моника. Я не знаю испанского языка, хотя многое понимаю.

– Хорошо. – улыбнулась молодая женщина, – здесь очень интересное меню. И очень хорошая карта вин. Так говорят по-русски?

– Говорят, – улыбнулся Дронго.

Он заметил, что с верхней террасы на него смотрит Планнинг, стоящий рядом с красивой брюнеткой, одетой в легкое розовое платье. У женщины были красивые большие глаза и чувственный рот. Она улыбалась, слушая Планнинга.

– Сделайте для меня заказ, Моника. Я сейчас вернусь, – сказал он, выходя из-за стола.

Поднявшись по лестницам, он вошел в здание отеля. Планнинг сразу подошел к нему. Несмотря на жару на нем был легкий серый костюм. Впрочем, и Дронго был в костюме – появиться в «Ритце» в другом виде было бы просто неприлично.

– Это Ваша связная? – спросил Планнинг. – Только не говорите, что случайная знакомая.

– Вы тоже не один, – заметил Дронго, – надеюсь, она не имеет отношения к английской разведке.

– Послушайте, Дронго, давайте наконец поговорим откровенно. Вы явно готовите какую-то игру вокруг этого «Экспресса». Я не знаю, зачем вам нужно участвовать в этом амбициозном проекте. Но вы понимаете, что затронуты интересы Великобритании. У нас пропал известный журналист, другому журналисту сломали ноги. Неужели вы думали, что мы останемся безучастными к подобным вещам? Что здесь происходит, Дронго?

– Я собираюсь поужинать с красивой женщиной. Кстати, она польский дипломат, работает в посольстве.

– В таком случае я – принц Чарльз, – улыбнулся Планнинг. – Зачем вы сюда пришли?

– Я вам абсолютно серьезно говорю, что это польский дипломат Моника Эклер. Мы собираемся поужинать. Если мне удастся ее уговорить, заберу ее в свой отель. У вас есть еще вопросы?

– Кто в нас стрелял?

– Я думал, вы мне ответите на этот вопрос. По-моему, вы остались в Каишкаше объясняться с полицией. Или вы не узнали, кто именно хотел нас убить?

– Должен сказать, что мне не нравится ни ваше участие в этом «Экспрессе», ни ваше поведение. Я думаю, вы не сомневаетесь, что мы будем пристально, очень пристально наблюдать за вами. И сделаем соответствующие выводы.

– Надеюсь, обойдется без стрельбы. – пробормотал Дронго. – Кстати, кто эта женщина с вами? Какая-нибудь туземка, готовая отдаться богатому англичанину?

– Это моя знакомая, – холодно сказал Планнинг, – думаю, мы поняли друг друга.

– Что было в Каишкаше? Кто в нас стрелял?

– Не знаю. – пожал плечами Планнинг, – полиции ничего не удалось выяснить. Впрочем, я в этом абсолютно не сомневался.

Дронго вернулся к столу. Моника заказала галисийский холодной суп гаспаччо, похожий на окрошку, салат из креветок и жареную рыбу. Ужин прошел великолепно. Она выбрала легкое красное вино, которое приятно кружило голову.

– Я думала, что вы пошутили, – сказала молодая женщина, когда им подали десерт.

– Вы мне об этом говорили, – усмехнулся Дронго. – Неужели такую красивую женщину не приглашают в ресторан? И о чем только думают ваши коллеги-дипломаты?

– У каждого из них свои заботы, – отмахнулась Моника. – Вы знаете, как живут дипломатические представительства? Тесный коллектив, все на виду. Мелкие интриги, все думают, как остаться подольше в Испании, как заработать больше денег. Здесь, конечно, лучше, чем в Польше.

– Вы надолго приехали в Испанию?

– Нет, в августе я уезжаю. Это называется практикой. Или стажировкой, я правильно говорю?

– Абсолютно. И кто вы по профессии?

– Юрист. Закончила юридический, сейчас работаю в политическом управлении нашего МИДа.

– И с Яцеком вы случайно встретились в Мадриде, – сказал Дронго, поднимая бокал с вином. – Ваше здоровье, Моника.

– Спасибо, – сказала она, чуть пригубив вино. – Конечно, нет. С господином Пацохой мы знакомы давно. Уже несколько лет. Он иногда приходил к нам в МИД. Кажется, в этом «Экспрессе» он официальный представитель нашей страны. Вы разве не знаете, что должны встречаться с нашим президентом и дважды проезжать через Польшу?

– Конечно, знаю, – кивнул Дронго. – Вы приехали с мужем?

– Нет, – чуть покраснела она, – я приехала одна. У меня нет мужа. У меня еще нет семьи.

– Невероятно. Такая красивая женщина. Вам не скучно жить одной?

– Иногда бывает скучно, – улыбнулась она. – и грустно, когда хожу в дорогие магазины. Я должна сама зарабатывать себе на жизнь. Разве не здорово, если можно тратить деньги своего мужа? Я люблю поспать по утрам, а мне приходится подниматься и ездить по этой испанской жаре на работу. Я часто думаю, как выгодно иметь богатого мужа.

– Вы сформулировали свое кредо предельно четко, – улыбнулся Дронго. – Может быть, мы продолжим наш ужин в каком-нибудь баре или открытом кафе? Вы знаете, куда мы можем поехать?

– Конечно, – кивнула она, – мы поедem на Плаца дель Сол, там столько интересных мест.

Дронго достал кредитную карточку, чтобы расплатиться. Чуть обернувшись, он увидел, что Планнинг все еще сидит на террасе со своей спутницей. Оба внимательно смотрели в их сторону. Дронго помахал им рукой, но оба отвернулись.

На проспекте было много такси, и они довольно быстро оказались в типично испанском открытом баре, где бармены готовили немислимые коктейли, предлагая их всем желающим. Моника заказала себе джин-тоник, а Дронго попросил принести ему мартини. Когда они уже сидели за столиком, мимо прошел Георгий Мдивани. Увидев Дронго со спутницей, он приветливо улыбнулся.

– Присоединяйтесь, – предложил Дронго, приподнимаясь со стула.

– Спасибо, – кивнул Георгий.

Он смотрелся колоритно даже на фоне испанцев. Свободная красивая рубаха, густая борода, закрученные усы.

– Я ищу своего молодого друга, – пояснил Георгий, – говорят, он зашел в какой-то магазин. Беда с ним. Как только видит хорошие диски, забывает обо всем на свете. Очень любит классическую музыку. Сегодня он выступал в Институте испанской культуры.

– Мне рассказывали, – кивнул Дронго, – говорят, он произвел ошеломительное впечатление на испанцев. Этот мальчик далеко пойдет. Если в двадцать два года его пьесы ставят в грузинских театрах и он отличается таким отменным вкусом, то в сорок он станет классиком грузинской литературы.

– Верно, – кивнул Георгий, – его спектакли идут в нескольких грузинских театрах. Пойду его поищу.

Он прошел к другому бару. Дронго сел на место.

– Почему он не остался с нами? – поинтересовалась Моника.

– Во-первых, он ищет друга, – сказал Дронго, – а во-вторых, он настоящий кавказский мужчина. Никогда не подойдет к столику, где сидит его знакомый с женщиной, чтобы им не мешать. Такая своеобразная мужская этика.

– Как интересно, – улыбнулась Моника.

Неожиданно рядом с ними появилась цыганка, продающая цветы. У нее был букет роз, за которые она просила по пятьсот песет за штуку.

– Это дурной тон, – поморщился Дронго. – Почему их пускают в бары?

– Да, – печально согласилась Моника, – но это такие красивые цветы.

– Подождите, – остановил цыганку Дронго.

Он взял все цветы, какие были у женщины. Их было десять штук. Он протянул пятитысячную купюру, и потрясенная цыганка взяла деньги, бормоча благодарность.

– Это вам, – сказал Дронго, оставив один цветок себе.

– У нас говорят, что нельзя дарить четное количество цветов, – объяснил он вспыхнувшей от радости Монике, – пусть у вас будет девять роз.

– Спасибо, – прошептала женщина. – Вы всегда такой галантный? – Она видела как за другими столиками обсуждали широкий жест Дронго.

– Нет, – сказал он, – это я притворяюсь. На самом деле мне было очень приятно провести с вами этот вечер, Моника. Жаль, что вы возвращаетесь в Варшаву. Я бы приезжал в Мадрид, чтобы встречаться с вами.

– Спасибо, – кивнула она, – но мы можем встречаться и в Варшаве. Я дам вам свой телефон, вы можете мне позвонить, если приедете в Польшу.

– Обязательно. У меня много друзей в Польше.

Был уже первый час ночи. Он расплатился с официантом, и они вышли из бара.

– Уже поздно, – сказала Моника, – и завтра пятница. Мне снова идти на работу. Так не хочется вставать по утрам. Но хорошо, что завтра пятница. Я буду два дня отсыпаться.

– Прекрасно, – улыбнулся Дронго. – Где вы живете, Моника? Я вас отвезу домой.

– Недалеко. Отсюда минут пятнадцать на такси. Может, мы еще немного погуляем? А где живете вы?

– На Гран Виа, кажется, в отеле «Трип Гран Виа». Отель находится в хорошем месте, но, должен вам признаться, он довольно скромный.

Ему было хорошо рядом с этой красивой молодой женщиной. Никаких других планов он и не строил. Воспоминания о встрече с Джил были еще слишком свежи в памяти. Кроме того, он узнал все, что хотел. Яцек Пацоха действительно был сотрудником польской разведки и не только не вышел в отставку после известных событий в Польше и прихода к власти «Солидарности», но и стал одним из тех, кто остался в своем ведомстве, несмотря ни на какие потрясения. Это было самое важное, что ему нужно было выяснить.

Он чувствовал легкий аромат молодого женского тела. Она молча шла рядом по залитому светом ночному Мадриду. Многоголосый шум поздно засыпающего города, крики людей, их громкая речь, бурная жестикуляция делали Мадрид очаровательным в своем ночном сумбуре.

«Как странно, – подумал Дронго, – почему-то сорокалетние мужчины считаются идеальными любовниками. На самом деле все гораздо проще. К этому времени мужчина начинает понимать жизнь. Молодой задор исчезает, и на смену ему приходит здравый смысл. Заодно исчезает и пылкая страсть, так свойственная молодым мужчинам. В сорок лет желаний бывает меньше, а сил еще достаточно. Вот такая комбинация неспешного и спокойного любовника дает в итоге идеальный образ мужчины».

– Вы о чем-то задумались? – спросила Моника.

– О вас. Сегодня утром вы говорили о матери в прошедшем времени. Извините меня, если эта тема вам неприятна...

– Это было давно. – спокойно сказал Моника, – она умерла молодой. Отец женился на другой женщине. А меня воспитала бабушка. Может, поэтому я такая необщительная. Я росла без сестер и братьев.

– Извините, – пробормотал Дронго, – возможно, вы правы. Но единственный ребенок в семье бывает и самым любимым.

– Да, – улыбнулась она, – меня все очень любили. И бабушка, и мои тети, и мой отец. Он недавно приезжал ко мне в Мадрид, мы ходили с ним по этим улицам. А вы верите в гороскопы?

– Не совсем, – признался он.

– А я верю, – сказала она, – но у меня плохой гороскоп. Я Козерог по рождению. Все, что я читаю про козерогов, ужасно. Говорят, что они не умеют... как это сказать... фантазировать. Говорят, что они скучные и замкнутые люди. А я совсем не такая. Вот вы – кто по гороскопу?

– Кажется, Овен.

– Первый знак зодиака, – кивнула Моника, – сразу видно, что вы сильный человек. Но у овов с козерогами страшное несовпадение. Вы об этом знаете? Но мы очень хорошо провели сегодняшний вечер, ведь это правда?

– Конечно. И не нужно думать о гороскопах. Плюньте на них и давайте думать о чем-нибудь другом. Всегда делайте все наперекор своему гороскопу. – предложил он без всякой задней мысли.

– Это шантаж, – вдруг улыбнулась она.

– Что? – спросил он все еще занятый своими мыслями о Планнинге, о покушении в Каишкаше, о работе Яцека Пацохи в разведке.

– Это шантаж, – упрямо повторила она, – вы меня нарочно провоцируете. Давайте поедем в ваш отель.

Он растерялся. Он не мог себе такого представить. С другой стороны, отказаться – означало серьезно обидеть молодую женщину.

– Поедем, конечно. – согласился Дронго.

– Мы выпьем кофе, и вы проводите меня домой, – строго сказал Моника.

– Обязательно.

Ночная жизнь Гран Виа была гораздо более бурной, чем дневная, когда во время сиесты закрывалось большинство магазинов. И хотя в полночь магазины также не работали, открытые кафе и бары, множество людей на улице делали картину ночи причудливо разнообразной и полифоничной.

Дронго остановился в сто шестом номере, окна которого выходили на улицу. Это было и преимуществом и огромным недостатком. Из-за постоянного шума невозможно было уснуть. Они с Моникой вошли в кабину лифта и поднялись на первый этаж. В отеле была традиционная система нумерации этажей, при которой первый не считался первым. Здесь располагались служебные помещения. На втором находился ресторан, и только с третьего этажа начинался отсчет этажей.

Дронго вышел из лифта первым. Моника шагнула следом. Он достал ключи, мучительно соображая, что именно нужно говорить женщинам в такой момент. Он даже растерялся, не зная, как именно себя вести. И не потому, что у него не было в жизни таких моментов. Просто он внутренне не был готов к подобным отношениям с этой красивой девушкой. Ему было приятно в ее компании, но на большее он не рассчитывал.

«Поэтому в сорок лет мы кажемся идеальными любовниками, – с некоторым юмором подумал Дронго. – Кажется, меня заиклило на моем возрасте, но это действительно так. Только к этому возрасту мужчина обретает некую стабильность, что позволяет ему проявлять по отношению к женщине любезную галантность и в жизни, и в постели». Впрочем, отступить было некуда, и он открыл дверь своего номера, чтобы впустить Моника.

В этот момент он обратил внимание на дверь соседнего номера: она была приоткрыта. Он знал, что там жил Пьер Густафсон.

– Извините меня, Моника, – сказал Дронго и подошел к соседней двери.

Он довольно громко постучал, но никто не ответил. Тогда он осторожно открыл дверь. «Почему Густафсон ее не закрыл? Почему оставил свою дверь открытой так поздно?» – подумал Дронго, оглянувшись. Моника стояла в дверях, все еще не решаясь войти в его номер. Дронго заглянул в комнату. Нужно сделать два шага, чтобы пройти небольшой коридор. Здесь дверь обычно закрывалась на ключ, это был старый, еще не перестроенный отель. Изнутри можно было закрыться на задвижку, но снаружи нужно было закрывать дверь ключом.

Дронго шагнул в комнату. На кровати лежал Пьер. Можно было не проверять его пульс. Он был мертв. Запрокинутая голова и поза, в которой он лежал, свидетельствовали об этом. Дронго наклонился. Убийца выпустил в свою жертву сразу три пули. У Пьера не было ни единого шанса. Дронго наклонился ниже. Красное пятно расплзлось по простыне. Очевидно, убийство произошло совсем недавно.

Дронго замер в нерешительности. Нужно было вызвать полицию или хотя бы проверить вещи убитого. Но в коридоре стояла Моника Эклер. Нельзя подставлять женщину, тем более, дипломата. Если выяснится, что она была ночью в отеле у иностранца, где к тому же произошло убийство, ее немедленно отправят обратно в Польшу, и карьера молодой женщины будет кончена. Нужно было что-то придумать, чтобы не объяснять ей случившееся.

Под ногами что-то хрустнуло. Он замер, поднял ногу. Кажется, остатки льда. Ничего страшного, через несколько минут на полу будут только влажные пятна. Решение нужно было принимать мгновенно.

Он вышел из комнаты, захватив с собой ключ от номера Густафсона и закрыв дверь. Моника ждала его у дверей. Как объяснить женщине, что в соседней комнате лежит убитый? Она наверняка не поверит и оскорбится, а если поверит, то может испугаться и закричать. Или начать паниковать, что одинаково опасно. Нужно было сделать нечто неординарное. Неожиданно Дронго подошел к ней и, наклонившись, крепко поцеловал. Женщина замерла от неожиданности. Дронго почувствовал, как она напряглась. Ее неприятно поразила такая поспешность.

– Не нужно так торопиться, – попросила она.

Во время второго поцелуя он обратил внимание на ее глаза. Они были открыты. Она все-таки отдавала себе отчет в происходящем. «Надеюсь, больше ничего не будет», – подумал Дронго и, неожиданно подняв руку, легко стиснул ее грудь. Она застонала, но затем резко высвободилась.

– Нет, – решительно сказала она, – уже поздно. Не нужно так спешить. Я должна ехать домой. Вы можете вызвать мне такси?

Возможно, она надеялась, что он успокоится. Начнет ее уговаривать, попытается объяснить свою грубость. Но Дронго сразу согласился.

– Пойдемте, – сказал он, – я вызову вам такси.

Она взглянула на него, не понимая, почему он так неожиданно изменился. И чем была вызвана подобная поспешность. Он изо всех сил удерживал на лице маску виноватого мужчины. Нельзя было говорить этой девочке, что в соседнем номере лежал труп. Нельзя было позволить себе сорваться.

– Вы всегда так нетерпеливы? – она все еще не хотела входить в лифт.

«Господи, – с отчаянием подумал он, – неужели мне обязательно нужно быть скотиной, чтобы она ушла?»

Очевидно, ее неприятно поразила его холодность, и она, пожав плечами, вошла в кабину лифта.

– Вы странный человек, – призналась Моника, – я никогда в жизни не встречала таких людей. Вы какой-то необычный. Меняется каждую минуту.

– Наверно, вы правы, – согласился он. Бедная девочка, она не понимала, что он в эту минуту спасает ее карьеру.

На улице было много такси. Он поднял руку. Машина затормозила рядом. Дронго протянул водителю деньги.

– Доставьте сеньору куда ей нужно, – сказал он по-английски.

– Что? – переспросил водитель, не понявший его слов.

– Я ему все объясню, – сказала Моника, усаживаясь на заднее сидение. Она посмотрела на Дронго, понимая, что прощается с ним навсегда.

– До свидания, – сказала она. – Вы позвоните мне в Варшаву?

– Обязательно. – он умел улыбаться мускулами лица даже тогда, когда улыбнуться было невозможно.

Машина отъехала. Он заставил себя постоять еще несколько секунд, глядя на уезжавшее такси. Затем повернулся и вошел в отель. Моника ему нравилась, и именно поэтому он поступил с ней довольно грубо, сознательно спровоцировав ее на разрыв.

Поднявшись на третий этаж, он снова прошел к номеру Густафсона. Убитого явно застали врасплох. На нем был надет только один носок. Дронго, достав носовой платок, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, подошел к чемодану убитого. В нем не было ничего интересного. Несколько рубашек, носки, трусы. Два фотоаппарата. Небольшая записная книжка, которую Дронго, раскрыв, начал просматривать. Никаких имен. Только цифры и номера телефонов. Дронго закрыл глаза, пытаясь запомнить увиденные номера телефонов. По первым цифрам можно было догадаться, где именно находится абонент. Шведские телефоны Дронго не интересовали. Он запомнил четыре немецких и два английских, узнав их по характерным кодам. Смятый костюм, завернутый в пакет сэндвич. Большой складной нож. Пара кроссовок. Больше здесь ничего не было. Пьера убили явно не из-за вещей. Дронго наклонился к убитому и осторожно достал его бумажник. Затем вытащил деньги. Это была довольно большая пачка наличных денег – три тысячи долларов и двадцать пять тысяч песет. Несколько кредитных карточек. Забрав содержимое, он бросил бумажник на пол и затолкал его под кровать. Теперь полиция будет убеждена, что убийство было совершено с целью ограбления.

Он еще раз осмотрел номер. Открытое окно. Он подошел ближе. Окно выходило на улицу. Он наклонился, чтобы рассмотреть получше. Здесь кто-то сидел. Интересно, зачем убийце сидеть у окна? Или это был сам Густафсон? Похоже, что нет. Он раздевался, уже успел снять один носок. На столе стояла недопитая бутылка виски. И один стакан. Только один стакан.

Дронго вышел из номера, прикрыв за собой дверь. Затем, стараясь не шуметь, открыл ключом дверь своего номера, вошел, запер дверь. Нужно было подождать, пока труп обнаружит горничная. Или кто-нибудь из постояльцев. Судя по всему, Пьера убили примерно час назад. Кровь на его ранах уже успела свернуться и засохнуть. Значит, полиция сразу определит, когда примерно был убит Густафсон. Это в интересах самого Дронго. Портье, у которого он брал ключи, подтвердит, что Дронго вернулся позже всех. Получается, что Моника помогла ему с алиби. Дронго прошел в ванную комнату и начал жечь деньги, тщательно собирая пепел, чтобы спустить его в унитаз. Закончив сжигать купюры, он вышел из номера, прошел к аварийной лестнице и поднялся на четвертый этаж, где сломал кредитные карточки и выбросил их в мусорное ведро. Затем вернулся в свой номер, стараясь не шуметь, снова открыл дверь и, пройдя в комнату, сел на кровать и закрыл глаза.

«Когда все это кончится, – устало подумал он, – все эти заговоры и убийства? Фукуяма был не прав. История никогда не кончается. Она развивается по своим особым законам, которые часто бывают непонятны людям».

Он сидел на кровати и ждал, когда за дверью поднимется шум. Интересно, кому было выгодно убивать Пьера Густафсона? И почему тот был таким мрачным сегодня утром? Дронго вспоминал подробности сегодняшнего разговора. Неожиданно раздался телефонный звонок. Он посмотрел на аппарат. Странно, что ему позвонили. Кто может звонить в такой поздний час? Он поднял трубку.

– Я звоню из такси, – услышал он быстрый голос Моника. – Может, мне вернуться? Еще не совсем поздно?

– Конечно. – виновато сказал он, – совсем не поздно. Но лучше не возвращайтесь. Сегодня у меня был трудный день...

В ответ раздались быстрые гудки. Конечно, она обиделась. Конечно, она была оскорблена таким ответом. Но он знал, что ее вторичное появление в отеле будет истолковано не в ее пользу. И поэтому, положив трубку, он снова принялся ждать. «Странно, – думал Дронго, – какие вещи иногда влияют на отношения между мужчиной и женщиной. Мы часто мыслим категориями эгоистов, не сознавая, что у партнера могут быть свои причины для отказа. Сколько раз женщины отказывают мужчинам только потому, что именно в этот день им нельзя встречаться со своими партнерами, но не решаются сказать об этом вслух. Сколько раз мужчины отправляются на свидание, не решаясь сказать, что сегодня они заняты или просто устали. Мы боимся выглядеть слабыми, боимся показаться себе более человечными, чем мы есть на самом деле. И живем так, как будто будем жить тысячу лет, вечно. Словно у нас в запасе масса времени. На самом деле, жизнь – это всего лишь короткое мгновение, которое длится от рождения до смерти. И больше нет ничего. Ни ада, ни рая, ни души, в которую верят многие люди. Если душа не существовала миллиарды лет до момента рождения, почему она должна существовать следующие миллиарды лет после смерти?» Дронго был агностиком, полагавшим, что мир непознаваем, и при одной мысли о миллиардах лет существования Вселенной до его рождения и после его смерти ему становилось страшно. По-настоящему страшно ему стало однажды, когда он прочел научно обоснованные данные астрономов о том, что через пять миллиардов лет Солнце погаснет и остынет. Его почему-то взволновало именно это событие. Может, потому, что он был слишком рационален? Поверить в полет своей души после смерти он не мог, а поверить в потухшее Солнце даже через пять миллиардов лет ему было гораздо легче.

Минут через сорок проходивший по коридору кипрский писатель Константин Кандонас обнаружил открытую дверь и, толкнув ее, позвал Густафсона. Не получив ответа, он вошел в номер и обнаружил труп шведа. Константин был человеком с нежной психикой, несколько женоподобным, хотя официально считался женатым. Его громкий, истошный крик потряс гостиницу. Дронго тяжело в вдохнул. Теперь весь завтрашний день придется объясняться с полицией. Он поднялся и, пройдя в ванную комнату, еще раз проверил, нет ли остатков пепла в унитазе, и спустил воду. Все было в порядке. Он лег на кровать. Через несколько минут в дверь громко постучали.

Размышления. Эпизод первый

Вы знаете, что такое ненавидеть человека? Нет, не «не любить», а по-настоящему ненавидеть. Когда тебе хочется самому вцепиться ему в горло, чтобы насладиться его предсмертными стонами, его хрипами. Чтобы почувствовать, как жизнь постепенно покидает его тело. Чтобы видеть, как он умирает. Я ведь хорошо знаю, как умирают люди, я все это видел много раз.

И вы представляете себе мое состояние, когда я прилетел в Лиссабон и в отеле «Альфа» столкнулся с этим типом. Его нельзя не узнать. Даже если я ошибусь и он попытается загримироваться, то и тогда он выдает себя. Его проклятый запах. Запах дорогого французского парфюма, который остается, когда он проходит по коридору отеля. Он постоянен в своих пристрастиях. Уже много лет его любимый «Фаренгейт» стал запахом мужчин, обреченных на победу. И он, очевидно, считает себя в душе настоящим победителем. Я говорю про этого мерзавца, про человека, которого я ненавижу так сильно, что это невозможно описать никакими словами.

Он придумал себе эту проклятую кличку еще много лет назад, когда в Европе его знали совсем под другими именами. Но с тех пор само его имя – Дронго – стало нарицательным для каждого человека, кто хотя бы раз в жизни сталкивался со спецслужбами. Это был символ беспощадной мести, символ Закона, который найдет тебя на другом конце земли. Вы даже не можете себе представить, скольких людей колотит при одной мысли об этом человеке. Вы не можете себе представить, сколько контрактов наемных убийц было загублено только из-за того, что этот тип брался за разоблачения и почти всегда, я подчеркиваю, почти всегда, добивался успеха.

Но я знаю человека, который может его остановить. И этот человек – я. Я слежу за ним уже несколько дней. Я вижу, как он нервничает, как озирается, пытаюсь понять, чьи глаза так пристально за ним наблюдают. Наверно, он чувствует мою ненависть. Она слишком зрима, чтобы не бить по его нервам. Она энергетически присутствует в нашей поездке. Я не колеблясь взял на себя эту миссию.

Я часто думал о Дронго. Он даже не знает, как часто я о нем думал. Я даже не представлял себе, что когда-нибудь смогу его увидеть. Смогу увидеть человека, именем которого пугают всех дилетантов спецслужб на земле. Наверно, в эту поездку мы попали не случайно. И я был призван Всевышним, чтобы исполнить его волю. Я обязан остановить этого человека, и наше противостояние закончится моей победой. Я буду притворяться, если будет нужно, буду врать, если появится необходимость. Я стану улыбаться ему, даже тогда, когда пальцы будут сжиматься в кулак. Но я сумею доказать ему, что я гораздо лучший специалист, чем он.

Я не поверил своим глазам, когда первый раз увидел Дронго в Лиссабоне. Он сидел, спокойно разглядывая женщин, о чем-то беседуя с другими писателями. Меня затрясло от бешенства. Мой единственный шанс, в который я так верил и который мне представился именно в этой поездке, теперь мог сорваться только из-за того, что здесь появился этот проклятый человек. Он меня не знает, никогда не видел. Но я слишком много слышал о Дронго и однажды видел его. Ошибиться я не мог. Это был он. Это был сам Дронго – беспощадный эксперт, человек, который не знает жалости и умеет считать лучше любого компьютера в мире.

Его вызывающая манера одеваться покоробит любого нормального человека. Вот уже много лет все знают, что он носит обувь и ремни только от Балли. А его номерные галстуки слишком бросаются в глаза, чтобы их не заметить. «Самый элегантный мужчина в Европе», – так назвала его представитель Германии Дубравка Угрешич. Если бы она знала, как я его ненавижу. Я уже знаю заранее, что за все время поездки мы ни разу не увидим его небритым или небрежно одетым. Элегантность – стиль этого мерзавца. Как будто он хочет разозлить всех вокруг.

А его нахальная манера разговаривать. Он орет так, словно находится на стадионе. Я знаю, что это – последствие его ранения, но, по-моему, он делает это нарочно. Он входит в комнату – и взгляды любого человека невольно обращаются к нему. Высокого роста, широкоплечий, со своей неизменной улыбкой. Кажется, он никогда не бывает серьезным, словно все происходящее в мире его не касается. Всем кажется, что он такой веселый, такой открытый, такой забавный человек. На самом деле это страшная змея. Понаблюдайте за его глазами. Он все видит, все замечает. Он обращает внимание на каждую мелочь. При этом у него слух, как у хищника, он может услышать даже ваш шепот, как бы тихо вы ни говорили. Иногда мне кажется, что он может слышать наши мысли.

Обычно он входит в комнату своей дурацкой походкой, широко расставляя ноги, улыбаясь, словно попал к друзьям. Но я слишком хорошо знаю, что стоит за его внешностью. Одна маленькая ошибка, только один прокол, только мгновенный промах – и он вдруг смотрит на вас с торжеством хищника, загнавшего в угол свою жертву. Этот человек – гений. И я его боюсь. Он единственный человек на земле, которого я боюсь. Единственный, кроме Всевышнего. Иногда мне кажется, что его создал дьявол. Чтобы показать остальным несовершенство обычного человека. Он не знает усталости. За несколько дней, которые мы уже провели в поездке, я еще не видел, чтобы он уставал. Этот человек умеет пить. Похоже, он научил свой организм превращать выпитый спирт в обычную воду. Во время переезда из Лиссабона в Мадрид он пил с русскими писателями и ирландцем Маккормиком. Я не знаю, кто еще в мире может перепить русских и ирландца. Но Дронго пил с ними наравне. А ведь этот человек никогда не бывает пьяным. Он закончил с ними пить, поднялся и пошел в свой вагон, а они остались спать на своих местах. Я это видел своими глазами. Перепить Маккормика вообще невозможно. Обычному человеку это не под силу. Но Дронго не человек, я в этом лишний раз убедился. Он встал и посмотрел на меня такими ясными, такими спокойными глазами, такими внимательными, что я содрогнулся от страха. И понял, что с этим человеком мне справиться будет труднее всего. Может быть, это самое главное испытание в моей жизни. И если я смогу победить этого человека, ко мне перейдет его сила. Я становлюсь мистиком, но по-другому я ничего не могу объяснить.

И наконец, этот кретин Пьер Густафсон. У него на лице было написано, что он наемник и дегенерат. Пока другие ходили на пресс-конференции и исправно все записывали, он купался в бассейне. Думает, что я ничего не вижу. У него рожа дегенерата.

Он нагло не являлся ни на одно мероприятие в Лиссабоне. В Мадриде он не пошел на пресс-конференцию, а устроился на ступеньках дворца. Наверно, он увидел выражение моего лица и от этого стал еще мрачнее. А когда вышел Дронго, он вообще потерял всякий контроль над собой и начал грубо огрызаться. Именно тогда я понял, что с Густафсоном может случиться несчастье. Ведь он напрасно так вызывающе вел себя.

Утром, когда мы садились в автобус, я, не удержавшись, оказался прямо за спиной Дронго. Он повернулся и приветливо поздоровался. Его не волнует, что он желает всем доброго утра на разных языках, выдавая свою профессиональную подготовку. Впрочем, я думаю, что все догадываются, кто такой Дронго. Для этого он слишком хорошо одевается и всегда оказывается там, где нужно. Один чешский писатель, пожилой человек лет шестидесяти, даже шуточно отдает ему честь, когда они встречаются на улице. Дронго наверно думает, что со смертью Густафсона все закончилось, но он даже не предполагает, что его главный враг стоит у него за спиной. И наша поездка только начинается.

Бордо. 11 июня

Весь вчерашний день они провели в Мадриде, давая показания местной полиции. Портъе клялся, что никого из посторонних в отеле не было, но полиция не очень ему верила. Участникам «Экспресса» немного «повезло». За день до этого из отеля был украден дипломат словацкого писателя с новым ноутбуком, стоившим пятнадцать тысяч марок. Именно поэтому комиссар кричал на директора отеля, доказывая ему, что в таких местах нужно устанавливать надежную охрану. Один из сотрудников полиции нашел при осмотре пустой бумажник, и это привело в ярость комиссара, который пообещал добиться закрытия отеля, так халатно относящегося к проблемам безопасности своих клиентов.

Участников «Экспресса» допросили по одному, но многие из них спали. Напуганный портъе подтвердил время прихода Дронго со спутницей, доказывая алиби самого Дронго. Никого из писателей особенно не мучили, комиссар полагал, что убийство совершила местная шпана, и поклялся найти виновного. К тому же, один из местных агентов уже успел рассказать об украденном вчера ноутбуке, который принадлежал словаку Питеру Пиштанеку. Комиссару позвонили из министерства внутренних дел с настоятельным пожеланием не раздувать ненужного скандала и разрешить всем участникам «Экспресса» продолжить свой путь. Комиссар был обычным полицейским чиновником и понимал, что любое решение на подобном уровне нужно принимать с учетом мнения вышестоящих чиновников. Он не был героем, но и не был идиотом. Это был обычный честный служака, просто выполнявший свою работу. Именно поэтому он принял решение разрешить участникам «Экспресса» выехать во Францию. В конце концов, все адреса и имена свидетелей были переписаны, и при желании можно было найти любого из них и вернуть в Мадрид.

Вечером десятого июня «Литературный экспресс» отправился во Францию, а двое представителей немецкого оргкомитета остались в Мадриде, чтобы решить вопросы транспортировки тела убитого на родину.

Бордо встретил участников группы плохой погодой. У всех было мрачное настроение. На вечер был назначен грандиозный прием в мэрии, который давал мэр Бордо, бывший премьер-министр Франции Алан Жюппе. Когда Дронго, заблаговременно позаботившийся о том, чтобы его костюм выгладили, был уже одет и намеревался выйти, в его номер постучали. Участники были размещены в трех отелях, и Дронго попал в «Меркурий Мериадек», стилизованный под своеобразный дворец кинофестивалей. В номерах висели портреты известных актеров или режиссеров. Каждый номер был посвящен тому или иному известному деятелю в мире кино. Вы словно попадали к нему в гости. По странной случайности, Дронго достался номер Чарли Чаплина. Со стен на него печально смотрел маленький человечек, заставивший мир поверить в новое чудо – кинематограф и рассказавший человечеству о сострадании к обычному человеку с улицы. Дронго, обожавший Чаплина, уловил в этом скрытую символику, словно провидение само выбрало для него этот номер.

Однажды, много лет назад, он вошел в небольшой американский кинотеатр в городке, расположенном на северо-востоке страны. Он был в очередной командировке, и случай привел его в этот городок всего на одну ночь. Он любил путешествовать, полагая, что это составляет одно из величайших удовольствий, дарованных человеку судьбой. И именно тогда с ним случилась удивительная история, которую он иногда вспоминал, не понимая, была ли она на самом деле или привиделась ему во сне. На экране был некий комик, стилизованный под Чарли Чаплина. Малобюджетный фильм рассказывал об актере, пытавшемся пробиться в Голливуде. Публика вяло реагировала, в заплыванном зале сидели человек десять-пятнадцать.

Дронго сидел в последнем ряду. Вдруг он услышал судорожное рыдание. Приглядевшись, он увидел молодую женщину, сидевшую в другом конце зала. У нее были длинные распущен-

ные волосы, и она плакала, опустив голову на сидение переднего ряда. Он слышал ее сдавленный плач и не знал, как поступить. Подойти и успокоить было бы нелепо. Это была Америка, страна индивидов, где каждый за себя и каждый горюет и радуется в одиночку. Но женщине было плохо, очень плохо. Она плакала, уже не обращая внимание ни на фильм, ни на сидящих в зале зрителей. Кто-то повернулся, крикнув, чтобы она вела себя потише. И Дронго решился. Он подошел к женщине и пробормотал слова утешения. Она подняла заплаканное лицо. Его поразила красота женщины. Длинные темные волосы, красивые, немного раскосые глаза, цвет которых он так никогда и не узнал, скуластое лицо, немного вытянутый, но не портивший лица, а наоборот, придававший ему своеобразие, нос. И чувственные губы. Дронго спросил:

– Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Уйдите, – ответила она, и он, замерев в нерешительности, немного постоял и вернулся на свое место.

Фильм продолжался, но женщина перестала плакать и, подняв голову, смотрела в его сторону. Наконец, решившись, поднялась и подошла к нему. Он растерянно смотрел на нее, не понимая, чего именно она от него хочет. На ней были темные брюки, темный джемпер и длинное, до пят, пальто. Несмотря на теплую погоду, она была именно в таком наряде.

Неожиданно она наклонилась к нему, и он почувствовал ее влажный язык. Она целовала его иступленно, словно пытаясь вырваться из своего одиночества и горя. Он был растерян, смущен, несколько скован, не зная, как себя вести. Женщина не была проституткой, это было очевидно, но она вела себя, как безумная. И когда она стала расстегивать ему брюки, он схватил ее за руку.

– Нет, – прошептал он, – не здесь.

Она словно опомнилась. Кажется, у нее в глазах даже мелькнул испуг. Она покачала головой и спросила:

– Вы боитесь?

– Я никогда не занимался этим в кинотеатре, – признался Дронго.

Она сидела на нем в позе всадника, закрывая от него экран, и он видел только ее глаза и чувствовал аромат, исходивший от ее волос.

– Я хочу, – требовательно произнесла она.

Он хотел возразить, вырваться, уйти. Ему вдруг померещилось, что все это было построено специально, чтобы его скомпрометировать, заманить в ловушку. Но, опомнившись, он отверг сомнения. О том, что он приедет в этот городок, не знал ни один человек в мире. Об этом не знал даже он сам, неожиданно решив сойти на автобусной станции только потому, что в этом городе был музей писателя, одного из тех, что составляли славу американской литературы. Девушку нельзя было подставить. Ей было не больше двадцати, и она смотрела на него с укором. И с болью.

– Почему? – спросил он, почти касаясь ее лица. – Почему?

– Так нужно, – твердо ответила она. – Я так хочу, – повторила она, глядя ему в глаза.

Он никогда не думал, что с ним может случиться подобное. Он даже во сне не мог себе представить такое. Но девушка ему нравилась. Очень нравилась. И она призывно смотрела на него. Кажется, она по-своему расценила его молчание. В начале девяностых СПИД уже свирепствовал в Америке. Девушка достала из кармана пакетик с презервативом, надорвала его.

– Нет, – снова сказал он. Это было немыслимо, невозможно, невероятно.

Она поняла, что он не сможет. И не хочет. Поэтому, повернувшись, она посмотрела по сторонам. Чуть ближе других сидел коренастый лысоватый мужчина с татуировкой на левой руке. Он был одет в грязную майку и громко смеялся, не обращая внимание на своих соседей. Дронго видел, как он приехал на мотоцикле за несколько минут до начала сеанса. Зажав в руках презерватив, девушка осторожно сняла ногу и перелезла через колени Дронго. Он невольно

взглянул на экран. В кадре был тот же актер, изображавший Чарли Чаплина. Он смотрел прямо в зал печально и строго, словно укоряя Дронго. Женщина, словно безумная, сделала шаг по направлению к лысому мотоциклисту. И вдруг Дронго понял, что если она сейчас уйдет, он не простит себе этого никогда. Вскочив, он успел схватить ее за руку. Она обернулась, пытаясь высвободиться.

– Не нужно, – попросил он, – останьтесь со мной.

Гримаса исказила ее лицо. Теперь она была возмущена. Кажется, он понял, почему ей было так плохо. Видимо, она ревновала к кому-то или была отвергнута кем-то. Именно поэтому ей показалось оскорбительным поведение Дронго, который не решался ничего предпринять, пока она не направилась к лысому соседу.

– Нет, – решительно сказала она, вырывая руку, – нет.

Но он уже стоял в проходе, сжимая ее руку.

– Не уходите, – просил он, – я был не прав.

Она вдруг толкнула его в кресло и быстро стала снимать с себя брюки. Затем расстегнула его брюки. Презерватив она выбросила. Это был акт отчаяния, какой-то страшный акт совокупления, когда оба иступленно соревновались друг с другом и сами с собой. Ее длинное пальто защищало их от любопытных взглядов. Кажется, никто не смотрел в их сторону. Только лысый мотоциклист, повернувшись, несколько раз удовлетворенно крякнул.

Он не ожидал от себя подобной дикости. Не ожидал, что может случиться такое. Но это случилось. Невероятное ощущение экстаза, словно оба ждали именно этой встречи, словно оба были настроены на такую волну. Оба тяжело дышали и смотрели друг на друга, словно пытаясь наконец разглядеть зримые черты партнера. В последнем ряду было достаточно темно, и они видели лишь общие очертания друг друга. А он ощущал ее запах. Аромат ее парфюма и запах тела, которые он узнал бы из тысячи других. Запах ее волос, которые касались его, вкус ее сухих губ и влажного языка. Он почувствовал на языке кровь, очевидно он прикусил себе губу, чтобы не застонать.

Она вдруг улыбнулась. Наклонилась к нему и произнесла только одно слово. Она тихо прошептала: «Thanks», – и легко отстранилась от него. Он все еще сидел в полной прострации. Она слезла с него, подняла брюки, запахнула пальто и пошла к выходу. Уже выходя из зала, она обернулась. Он успел еще раз увидеть слаборазличимые черты ее красивого аристократического лица. А затем она вышла. И лишь тогда он, наконец, опомнился, вскочил, судорожно пытаясь на ходу привести себя в порядок, и побежал к выходу, надеясь догнать незнакомку, узнать ее имя, постараться понять, что именно произошло. Печальный актер, так похожий на Чаплина, провожал его с экрана, как будто говоря, что догнать ускользящую мечту невозможно.

Он выбежал в тот момент, когда ее машина отъезжала от кинотеатра. В этих небольших городках не бывает такси, и ему оставалось только смотреть, как в клубах пыли исчезает ее «Линкольн». Он даже не сумел разглядеть номер машины. Это было давно, очень давно, кажется лет восемь или десять назад. Потом он встретил Лону. Потом в Америке он штурмом брал дом известного «вора в законе». Потом было предательство друга, которому он так верил. Все это было потом. А в памяти остался этот фильм с актером, изображавшим Чарли Чаплина, и запах женщины, с которой у него была столь невероятная, невозможная встреча.

Тогда он запретил себе вспоминать об этом. Тогда он заставил себя забыть и эту встречу, и эту женщину. Но иногда по ночам она появлялась в его снах. Иногда ему снился затылок лысого мотоциклиста, который запомнился ему на всю жизнь, и которого, в отличие от женщины, он успел хорошо разглядеть.

Еще два или три раза он приезжал в этот городок в надежде встретить эту женщину. Несколько раз он обходил соседние улицы, пытаясь увидеть тот самый белый «Линкольн». Но все было тщетно. Он и сам понимал призрачность своих надежд. Но воспоминание об этой

невероятной встрече осталось с ним на всю жизнь. И хотя он часто уверял себя, что это было с ним во сне, тем не менее, он сохранил билет на тот самый киносеанс, во время которого и произошла самая невероятная встреча в его жизни. И сейчас, стоя перед фотографией грустного комедианта, он невесело усмехнулся. Судьба иногда корчит подобные рожи...

В дверь еще раз постучали. Дронго открыл ее и увидел Яцека. Тот был в привычном джинсовом костюме и также привычно не брит.

– Можно войти? – спросил Пацоха.

– Конечно, можно, – посторонился Дронго. – Надеюсь, у тебя короткий разговор. Иначе мы опоздаем в мэрию.

– Не опоздаем, – сел на стул Яцек, – она находится рядом с нашим отелем. Отсюда пять минут пешком.

– Тем более, не стоит опаздывать, – Дронго поправил галстук.

– У тебя хороший галстук. – одобрительно сказал Яцек. – Ты всегда покупаешь их в комплекте с платками?

– Почти, это коллекционные от Живанши.

– У меня таких нет, – вздохнул Яцек.

– Ты пришел обсуждать мои галстуки? Или будем говорить о делах?

– Нет. Я пришел тебя поблагодарить. Ты поступил благородно. Я ведь сразу понял, что за женщина была с тобой ночью. Ты ее сразу отправил домой и не стал о ней рассказывать. Спасибо тебе еще раз.

– Во-первых, это была не она, – ответил Дронго, – а во-вторых, я обязан был защитить свою спутницу от домыслов полиции.

– Очень благородно с твоей стороны, – сказал Пацоха. – ее могли выгнать с дипломатической работы.

– Я сказал, что это была не она, – чуть повысил голос Дронго.

– Хорошо, хорошо, согласен. Все равно ты молодец. Хочу обсудить с тобой убийство Пьера. Мне очень не нравится, как его убили.

– Мне тоже не нравится, – сказал Дронго, – а еще больше это не понравилось самому Пьеру.

– Да, – согласился Пацоха, – ему это очень не понравилось. Скажи мне, Дронго, зачем ты согласился на этот рейс? Что тебе здесь нужно?

– А тебе? Ты ведь полковник польской разведки. Рассчитываешь получить генерала?

– Нет, – улыбнулся Пацоха, – у нас не дают повышений за провалы. Это ты убил Пьера?

– И создал себе алиби при помощи вашего дипломата. Какая ты свинья, Яцек, неужели ты действительно считаешь, что это я его убил?

– Павел Борисов видел, как ты ругался с Пьером. Я думал, что вы с ним были в плохих отношениях.

– Яцек, – покачал головой Дронго, – ты же профессионал. Неужели ты думаешь, что я мог убить его из-за этого. Глупо. И потом, наш спор видел не только Борисов. У дома стояли Шпрингер, Селимович и Бискарги. И еще две женщины. Поэтому нас могли многие видеть. Кроме того, ты наверняка уже позвонил Монике и узнал, что весь вечер я был рядом с ней и никуда не отлучался. И наверняка именно от нее ты узнал, когда она уехала домой.

– Это так, – согласился Пацоха.

– Тогда в чем дело?

– Мы едем в Польшу, – напомнил Яцек, – и ты знаешь, что по плану мы должны два раза пересечь Польшу. Один раз через Мальборк и второй раз через Варшаву. В Варшаве у нас встреча с президентом Квасьневским. Я обязан знать, что здесь все в порядке.

– Но до этого мы будем в Москве, – напомнил Дронго.

– Да. – согласился Пацоха, – и я тебя понимаю. Из России здесь три писателя. Михаил Мураев – достаточно известный писатель, и ему за шестьдесят. Алексей Харламов – лауреат какой-то престижной русской премии...

– Первого Антибукера, – уточнил Дронго.

– Тем более. А третья – женщина. Кажется, Соловьева. Мы проверяли, она детский писатель из Калининграда.

– Давай более конкретно. Что тебе нужно?

– Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

– В таком случае я должен тебе поверить. А ведь ты тоже мог убить Пьера.

– Зачем? – спросил Яцек. – Я с ним не ругался и не спорил. Зачем мне его убивать? Чтобы подставить нашу девушку, которая наверняка была с тобой? Я думаю, ты лучше знаешь, кто именно застрелил Густафсона.

– Если бы я шал, кто и зачем его убил, – вздохнул Дронго. – Надеюсь, что это убийство будет первым и последним в нашем «Экспрессе».

– У словака Петера Пиштанека украли ноутбук, – сообщил Яцек. – А вообще наша поездка очень интересная авантюра. Мы все похожи на пассажиров из «Восточного экспресса». Помнишь книгу Агаты Кристи?

– У Пуаро было двенадцать подозреваемых, – усмехнулся Дронго, – и в итоге все двенадцать оказались убийцами. Ему было легче, чем нам.

– Надеюсь, что здесь их окажется гораздо меньше, – очень серьезно сказал Пацоха. – Мы договорились? – спросил он, поднимаясь.

– Посмотрим, – уклонился от ответа Дронго, – я должен подумать.

Прием прошел замечательно. Мэрия находилась в старинном здании, и ее великолепные залы производили неизгладимое впечатление. Все старались забыть случившееся в Мадриде – эту страшную, нелепую, трагическую случайность. Дронго прошел в зал, где официанты готовили столы для приемов. У одного из столиков стояли представители Украины и Грузии. Они что-то оживленно обсуждали. В этой группе была единственная женщина – Екатерина Вотанова. Дронго подошел к ней.

– Ваши соотечественники выступали в Мадриде? – спросил он.

– Да, – кивнула она, – особенно большой интерес вызвало выступление Юрия Семуховича. Он очень известный на Украине писатель и поэт.

– Поздравляю, – кивнул Дронго, – вы прекрасный attendant, по-настоящему переживаете за своих.

– Конечно, – удивилась она, – а как же иначе?

– Жаль, что вы отправились в эту поездку с мужем, – искренне сказал Дронго, – вы очень отличаетесь от всех остальных женщин в нашей группе.

– Чем вам мешает мой муж? – нахмурилась Катя.

– Ничем. Он прекрасный человек. Просто я жалею, что вы уже заняты. Иначе я бы мог пригласить вас на ужин.

– Вы мне это уже говорили, – недовольно заметила она.

– Извините, – пробормотал Дронго, – кажется, я начинаю повторяться.

К ним подошли остальные члены украинской делегации, и Дронго прошел дальше. Официанты начали разносить вино и напитки. Увидев Павла Борисова, Дронго подошел к нему.

– Это ты рассказал Яцеку о моей ссоре с Пьером? – спросил Дронго. – Интересно, почему ты скрыл такую ценную информацию от полиции?

– Во-первых, я ничего Яцеку не говорил, – Борисов пригубил бокал с шампанским. – Я рассказал обо всем моей землячке – Виржинии Захарьевой, а она – Яцеку. Он ведь производит на женщин неотразимое впечатление. У него вольный стиль, а у тебя официальный. Но вы оба – секс-символы нашей группы.

– Ты же знал, что она расскажет обо всем Пацохе, – не унимался Дронго. – В какую игру ты играешь, Павел? Или тебе нужно поссорить нас с Яцеком?

– Не говори глупостей, – нахмурился Борисов, – я рядовой участник поездки. Это аттенданты, наши помощники, получают разную информацию. А у меня ее не бывает.

– Рядовой болгарин, живущий во Франции и разъезжающий по всему миру, – поправил его Дронго, – рядовой писатель, чья семья живет в Париже. Верно?

– Откуда ты столько знаешь? – угрюмо спросил Борисов. – Или ты специально интересовался моей биографией? При твоей профессии это нетрудно.

– Значит, и ты интересовался моей биографией? – уточнил Дронго.

– Твое имя известно всем, – глубокомысленно заметил Павел, – и не нужно так удивляться. Я много издавал разного рода литературы на криминальные темы, в том числе и документальной. И всем известно имя Дронго. Поэтому ты не очень удивляйся, что многие знают, зачем ты сюда приехал и чем собираешься заниматься. И как только ты приехал – случилось убийство. Я не верю в подобные случайности, Дронго. Ты наверняка читал мою биографию, как и я твою. Думаешь, расследуешь преступление и найдешь убийцу Пьера Густафсона?

– Не думаю, а точно знаю, что найду.

– Успехов тебе, – ухмыльнулся Борисов, – но учти, это будет очень сложно. Мадрид остался далеко позади.

– Зато убийца едет с нами, – убежденно сказал Дронго и пошел к выходу.

Площадь перед мэрией была пуста. Дронго направился к набережной. Накрапывал мелкий дождик. Он услышал шаги за спиной. Прислушался. И замедлил шаг, чтобы человек мог его догнать. Тот, поравнявшись с Дронго, пошел рядом.

– Уже приехал? – спросил Дронго.

– Только что, – ответил Вейдеманис, – пришлось лететь в Париж, а оттуда в Бордо. Мадридская полиция до сих пор считает, что Пьера убили с целью ограбления. Пропали все его деньги.

– Это я знаю, – вздохнул Дронго, – хорошо, что пропали. Иначе нас бы наверняка задержали...

Вейдеманис подозрительно взглянул на друга. Потом пожал плечами.

– Я должен был догадаться, – сказал он. – Это ведь твоя работа?

– Ты тоже считаешь, что я его убил?

– Конечно, нет. Но ты забрал его деньги.

– Значит, ты полагаешь, что на убийство я не способен, а чужие деньги могу стащить?

– Когда ты будешь серьезным? – вздохнул Вейдеманис. – Впрочем, так тебе легче жить.

В общем, полиция считает, что это дело рук местных бандитов. Сейчас убийцу ищут по всему Мадриду.

– И они его, естественно, не найдут, – мрачно предположил Дронго, – Пьера застрелил кто-то из наших. И я намерен найти убийцу.

– Каким образом? Ты ведь понимаешь, что убийца действовал не из личных мотивов.

– В отеле жили около сорока человек. Портье клялся, что никто чужой не входил в отель, и я склонен ему поверить. Значит, осталось не так много. Сорок человек вместо ста сорока. И у меня уже есть конкретные подозреваемые.

– Пацоха или Борисов? Они, кажется, единственные профессионалы среди этих сорока. А где жили литовцы?

– Не в нашем отеле, я проверял.

– Тогда Алисанка вне игры. Кстати, есть новые данные по украинцам. Юрий Семухович получил разрешение на временное жительство в США. Он должен уехать в Пенсильванию сразу после вашей поездки.

– Это ничего не доказывает, – возразил Дронго, – я сегодня говорил с украинским представителем. Семуховича считают новой звездой украинской литературы. Вряд ли такая фигура может заинтересовать террористов.

– Тогда кто? И главное – зачем? Почему убийца так рисковал? Почему он решил его убить? Ведь убийца знает, что в вашей группе есть несколько высококлассных профессионалов. И он наверняка понимал, что убийство вызовет еще большие подозрения. Но он пошел на это преступление. И тогда я спрашиваю себя: почему он на это решился? Ведь гораздо легче было бы убить Густафсона таким образом, чтобы он исчез, а не стрелять в него, оставляя труп в отеле.

– Не знаю, – сказал Дронго, – возможно, что у него были какие-то мотивы. А возможно, он не один...

– Семейные пары, – вспомнил Вейдеманис, останавливаясь. – Подожди... У вас три семейные пары. Турки, украинцы и испанцы. Испанцы жили в отеле?

– Нет, – ответил Дронго, – у них был номер в отеле, но они оставались дома и приехали в отель только на последнюю ночь.

– Ночь убийства.

– Это ничего не значит, – возразил Дронго, продвигаясь вперед. Вейдеманис шел за ним следом. – У испанцев действительно есть квартира в Мадриде, и я бы на их месте поступил точно так же. Они оставались у себя дома и приехали в отель только для того, чтобы рано утром успеть сдать багаж, который грузят каждый раз отдельно. С точки зрения логики все верно. И потом, Альберто Порлан слишком известный человек, чтобы его подозревать.

– А его жена? – не унимался Вейдеманис. – Ты можешь поручиться и за нее?

– Пока нет. Пока я думаю над этим и подозреваю ее, как и остальных.

– Тогда скажи, кого именно ты еще подозреваешь, – прямо спросил Вейдеманис.

– Во всяком случае, всех, кто был в эту ночь в нашем отеле. Хотя, с точки зрения убийцы, гораздо лучше иметь сообщника в группе. Нужно будет обратить внимание еще на две семейные пары. Украинцы и турки. Хотя с украинцами сложнее. У этой девочки тяжелый характер. Скорее, не тяжелый, а своеобразный. Она вся состоит из углов, а это встречается довольно редко, и наверно поэтому вызывает у меня такой интерес.

– Я проверил турок, – сообщил Вейдеманис. – Тургай Фисекчи не только поэт, но и общественный деятель. Член запрещенной в Турции коммунистической партии. Это, конечно, самый подозрительный момент.

– Значит, хороший поэт, – улыбнулся Дронго. – Ты не знаешь истории турецкой литературы, Эдгар. Там все известные имена – это люди с левыми убеждениями. Назым Хикмет, Факир Байкурт, Яшар Кемаль, Азиз Несин. Ты жену Фисекчи проверял?

– Она действительно врач, – ответил Вейдеманис, – стажировалась в Стамбуле, в Мюнхене.

– Понятно. Запомни номера телефонов, которые я тебе продиктую. Несколько телефонов в Германии и Англии. Эти номера я нашел в записной книжке Густафсона.

– Ты все-таки был у него в номере! – произнес потрясенный Вейдеманис. – Значит, это ты украл его деньги, чтобы навести полицию на ложный след. Но зачем, зачем ты так сделал?

– Я жил в соседнем номере, – объяснил Дронго, – и если бы убитого Густафсона нашли с пачкой денег и нетронутыми кредитными карточками, кто-нибудь мог вспомнить, как мы с ним немного поспорили утром, после пресс-конференции. К тому же, мне показалось странным, что убийца оставил дверь открытой, словно приглашая меня войти в номер. Это было не совсем логично со стороны убийцы, а меня всегда беспокоит нелогичность поступков серьезных людей. Поэтому я решил, что будет лучше, если полиция станет отрабатывать версию убийства с целью ограбления. В конце концов, у словака действительно украли ноутбук. А

убийцу испанская полиция все равно не найдет. Он находится рядом с нами, в этом «Экспрессе».

– Иногда я серьезно думаю, что у тебя в голове компьютер вместо мозга, – мрачно заметил Вейдеманис. – Ты это придумал сразу, как только вошел в номер к убитому?

– Нет. Сначала я подумал о женщине. Со мной рядом была женщина. Польский дипломат. И я обязан был помнить о ее репутации. Во вторую очередь меня интересовал убитый.

– Это было очень рискованно, – мрачно заметил Вейдеманис.

– Запоминай номера, Эдгар, – устало сказал Дронго, – и позволь мне вернуться в отель. Я так устал, что хочу выспаться. Наш отель напоминает галерею киноактеров. На каждом номере своя табличка. И в комнате портреты этого человека. Знаешь в какой номер меня поселили?

– В номер Шона Коннери или Роджера Мура.

Эти двое были первыми исполнителями роли Джеймса Бонда в известных кинофильмах.

– Нет, – сказал Дронго, не обижаясь на такие сравнения, – мне попал Чарли Чаплин. Может, это больше соответствует моему образу. Как ты считаешь, Эдгар?

– Да. – задумчиво ответил Вейдеманис, – иногда мне кажется, что ничего случайного не бывает. Бог решает гораздо лучше нас. Назови номера, которые я должен запомнить.

Москва. 12 июня

Уже несколько дней он проводил расчеты. Ему были предоставлены все необходимые данные. Трибуна, на которой будут находиться гости; зал, в котором будет проходить церемония встречи; место, где должна быть заложена взрывчатка. Меликов был одним из лучших специалистов по проведению подобных террористических актов. Именно он был одним из консультантов узбекской оппозиции, которая устроила взрывы в Ташкенте, покушаясь на жизнь президента Узбекистана Каримова. Правда, тогда взрывы не достигли своей цели, убиты и ранены были десятки других людей. Но имя Мирзы Меликова фигурировало в материалах дела, и полковник Баширов об этом хорошо знал.

Меликов подготовил схему взрыва на трибуне, которую ему указали. Взрывчатку следовало заложить у стены стоявшего рядом павильона. Меликов несколько раз проверил расчеты и передал все данные полковнику. На составление плана ушло несколько дней. И только двенадцатого вечером Мирза попросил Голубева о встрече с полковником.

Баширов приехал на дачу через час после того, как Голубев позвонил ему по мобильному телефону. Он поинтересовался у Голубева, как ведет себя пленник.

– Скучает, ответил Голубев, – лежит в своей комнате.

– Будь осторожен, – напомнил полковник, – это не тот человек, который будет скучать. Если он молчит, значит, обдумывает, как отсюда сбежать. Скажи ребятам, чтобы следили за ним все время.

– Мы все время держим камеру наблюдения включенной, – пояснил Голубев, – дежурируем каждую ночь. Я сам проверял ребят. Ему отсюда не уйти.

– Надеюсь, – пробормотал полковник, проходя в дом.

Лежавший на кровати Меликов поднялся, когда Баширов вошел в комнату.

– Ты хотел меня видеть, – сказал полковник, усаживаясь на стул. – В чем дело? Что случилось?

– Я закончил расчеты, – показал на стопку лежавших на столе бумаг Меликов, – можешь их забрать. Не знаю, почему ты не поручаешь такую работу своим специалистам. Или она для них слишком сложная? Успели разогнать своих профессионалов? Или они все сейчас работают на мафию?

– Я уже предупреждал, что не люблю шутников, – заметил Баширов, не притрагиваясь к бумагам. – Что еще ты хотел мне сказать?

– Мне не хватает точных данных по перспективе местности, каменному покрытию павильона и по количеству людей, которые будут на трибуне. Поэтому расчеты получились приблизительные. Я не могу гарантировать абсолютного результата. Мне нужно все проверить на месте.

– Это невозможно! – сразу сказал полковник.

– В таком случае расчеты не могут быть точными. – пожал плечами Меликов. – В любом случае это меня не касается.

– Надеюсь, что да, – пробормотал полковник, – мы проверим твои расчеты, и я предложу тебе все нужные данные.

– Мне нужно все увидеть на месте. – упрямо сказал Меликов, – пойми, что иначе нельзя гарантировать точного результата. Мне рассказали один очень интересный эпизод из истории заговоров. Знаешь, почему не удалось покушение на Гитлера? Полковник Штауффенберг положил портфель с бомбой под ноги сотрудников генерального штаба, совсем рядом с фюрером. Тот обязан был погибнуть, но один из генералов перенес этот портфель за большой дубовый стол. И этот стол спас жизнь Гитлеру. Он оказался как бы щитом, закрывшим его от взрыва. И все только потому, что такую возможность не учли.

– Взрывчатку никто не перенесет, – возразил Баширов, – это не тот случай.

– А толщина стены? – спросил Меликов. – Сколько людей будет на трибуне? Может, она будет переполнена и взрывная волна опрокинет трибуны прежде чем до них долетят осколки. Я думаю, что нужно учитывать и такую возможность. Извини меня, полковник, но мне кажется, что ты понимаешь во взрывном деле, столько, сколько я в астрономии. Ты можешь проверить мои расчеты, но они будут предварительными. Повторяю, мне нужно видеть все на месте.

– А я повторяю, что это невозможно.

– Тогда забирай бумаги и уходи. Больше я тебе ничего не могу сказать.

Баширов поднялся, подошел к столу, задумчиво посмотрел на разбросанные по столу схемы и рисунки. Затем обернулся к пленнику.

– Хорошо, – сказал он, – мы проверим все на месте. Только через несколько дней. И учти, что с тобой поеду не только я. С нами поедут все четверо твоих охранников. А с Голубевым ты вообще будешь скован наручниками. Это специальные японские наручники с особым замком. Ключ будет только у меня. Ты можешь убить Голубева, но тогда тебе придется повсюду таскать за собой его труп. Предупреждаю, что он весит более ста килограммов и тебе будет трудно тащить его тело.

– Не нужно предупреждать, – усмехнулся Меликов, – я не кретин. Понимаю, как ты меня будешь стеречь. Но я должен увидеть это место, иначе ничего не выйдет.

– Я подумаю, – пообещал полковник. – У тебя есть еще какие-нибудь просьбы?

– Есть. Скажи, чтобы мне приносили газеты. Хочу почитать свежие российские газеты. И пусть разрешат смотреть телевизор.

– Можешь смотреть телевизор в общей комнате, там большая коллекция видеофильмов.

– Я хочу смотреть обычные новости, обычные передачи.

– Нет, – решительно сказал полковник, – никаких передач, никаких газет. Тебе не обязательно знать, что творится в Москве, в России. Ты даже не должен видеть новых российских денег. Если ты попытаешься сбежать, у тебя будут очень большие проблемы, Меликов...

– Деньги я уже видел, – отмахнулся пленник, – у тебя странная логика, полковник. Тогда я больше ничего не хочу. И подумай, что я тебе сказал о взрыве. Посоветуйся со своими специалистами, они тебе скажут, что я прав.

– Посмотрим, – Баширов собрал бумаги с расчетами и вышел из комнаты.

Когда он сел в свой автомобиль, Голубев стоял рядом.

– Ты должен знать, о чем он думает, – напомнил полковник. – Никаких телевизионных передач, даже мультфильмов. Только видеокассеты, никаких разговоров о политике, никаких газет. Ты меня понял?

– Мы так и делаем, – ответил Голубев, но полковник уже не слышал его, он выехал за ворота.

В машине Баширов даже не включил радио. Лишь когда автомобиль въехал в город, он наконец протянул руку к приемнику. Диктор рассказывал о положении в стране, о росте преступности, которая бьет все рекорды, о выходках неонацистов, которых становилось все больше и больше. Полковник слушал внимательно, глядя перед собой. В заключение диктор сообщил об обмене старых водительских удостоверений на новые, и Баширов почему-то улыбнулся. В этом была некая символика, понятная только ему.

От дачи до здания ФСБ на Лубянке он доехал за сорок пять минут. Было уже достаточно поздно, но полковник знал, что его ждут. Он мягко припарковал автомобиль, вошел в здание ФСБ. Дежурный офицер, знавший его в лицо, привычно козырнул и кивнул, разрешая пройти. Еще через несколько минут Баширов был в своем кабинете. Он сел в кресло, потер лицо ладонями. Это был привычный жест, снимавший усталость. Затем поднял трубку телефона прямой связи.

– Добрый вечер, – сказал он, – я вернулся.

– Зайди ко мне, – услышал он приказ.

Положив трубку, Баширов отправился в тот самый кабинет, откуда получал задания. Еще через минуту он сидел в кабинете человека, который имел право отдавать в этом здании приказы.

– Рассказывай, – потребовал хозяин кабинета. Он был высокого роста, лысоват, у него были глубоко запавшие глаза и тонкие изогнутые губы.

– Все идет по плану, – доложил полковник, – он уже сделал подробные расчеты, я забрал их для проверки. Предложу нашим специалистам поработать с ними, используя как учебный материал среди других задач. Некоторые данные я, конечно, изменю. Мне важно проверить, насколько хорошо он выполнил задание. Если все будет нормально, мы начнем работу ближе к концу июня.

– Он не сможет отсюда сбежать?

– Там четверо наших вместе с Голубевым. Дача круглосуточно охраняется. Зброшенное место, выбраться трудно. На ночь на него надевают цепь. Постоянно дежурят двое охранников, по очереди. Нет, думаю, побег невозможен.

– Нужно найти еще кого-нибудь, – предложил хозяин кабинета. – четверых мало. Они быстро выдохнутся. Когда один человек хочет убежать, четверых мало. Он, в отличие от них, постоянно думает о побеге, а они, занятые своими делами, не так целеустремленны. Пошли еще четверых. Вызови из провинции. Откуда-нибудь с Дальнего Востока. Приедут только для охраны и через месяц вернутся домой. Никаких контактов с арестованным, никаких разговоров. Ему дают газеты?

– Я запретил.

– Правильно сделал. Не нужно ему читать наши газеты, пусть не засоряет голову перед смертью. Я иногда, читая нашу прессу, думаю, что можно сойти с ума. Каждый день появляется новый маньяк, каждый день кого-то убивают, грабят, насилуют, воруют. У читателя возникает паническое чувство страха. Давно пора вводить хоть какую-нибудь цензуру. А как они издеваются над государством, над властью!

Баширов молчал. Он считал взгляды хозяина кабинета достаточно консервативными. Но свое мнение он держал при себе. Полковник был профессионалом и умел отделять личные симпатии от должностных обязанностей. В данном случае он должен был выполнять приказы именно этого человека. И Баширов понимал, что приказы, которые он получает и выполняет, носят не вполне законный характер; по-большому счету, они грубо нарушают именно те законы, которые обязаны защищать. Тем не менее, он достаточно охотно и с удовольствием делал то, что считал полезным для страны и для своей карьеры.

– За этого Мирзу ты отвечаешь головой, – жестко закончил хозяин кабинета. – После того как все произойдет, ты лично обязан его устранить. Только лично и так, чтобы даже пепла от него не осталось. Такого человека никогда не было и никогда больше не будет.

– Понимаю, – кивнул полковник.

– А пока он нам нужен. Если он дал верные расчеты, пусть подождет, пока мы не проверим их на практике. Осталось ждать не так долго.

– У него есть одна просьба, – вспомнил Баширов.

– Какая просьба? – раздраженно спросил хозяин кабинета. – Мерзавец еще что-то просит? Он вообще должен был умереть в горах, сдохнуть как собака. Мы подарили ему несколько недель достойной жизни, и он еще чего-то просит. Что он хочет? Денег? Свободы?

– Нет. Ему нужно побывать на месте, где все произойдет.

– Зачем? Откуда такое любопытство?

– Это не любопытство. Он хочет все точно рассчитать. Толщину стен, направление взрывной волны, силу заряда. Он специалист и привык все проверять.

– Без этого нельзя обойтись?

– Думаю, можно. Но он настаивает.

– Нет, – подумав сказал хозяина кабинета, – его нельзя туда везти. Если кто-то из наших людей доставит его туда, а потом окажется, что именно там произошел террористический акт, это может вызвать у нашего офицера ненужные ассоциации. И нам придется искать другого офицера, который устранил первого, а потом третьего, который устранил второго. Нет, это нам не подходит. Мы проверим все на бумаге.

– Я тоже так думаю, – сказал Баширов, – но он настаивает. Может, мы повезем его вместе с Голубевым так, чтобы никто не узнал?

– И ты гарантируешь, что он не попытается бежать? А если сбежит? Если вы вдвоем с ним не справитесь и он сбежит? Ты понимаешь, что тогда все наши планы коту под хвост? Мы не успеем за оставшееся время найти другого специалиста. Не успеем никого найти. А наших специалистов я привлекать не могу. Все толковые люди воюют в Чечне, а любой из оставшихся может оказаться либо болтуном, либо честным дураком, что одинаково опасно. И тогда я должен буду принимать решение об одновременном устранении и этого специалиста, и твоего любимчика Голубева...

Хозяин кабинета замолчал, но Баширов понял, что в этом варианте третьей будет стоять его фамилия.

– Он не сбежит, – твердо сказал полковник. – мы используем специальные наручники, присланные из Японии. Экспериментальный образец, замок невозможно открыть. Кодовая система плюс два ключа, вставляемых одновременно. Оба ключа я оставлю на даче. Даже если наш пленник убьет Голубева, он и тогда не сможет открыть замок. И вдобавок ко всему, ему придется тащить на себе стокилограммовое тело Голубева, что само по себе нелегко. Я думаю, можно рискнуть. Пусть он посмотрит на это месте, чтобы у нас были абсолютные гарантии.

– Если он сбежит, я дам тебе один час, чтобы застрелиться, – ласково сказал хозяина кабинета. – Ты берешь на себя всю ответственность за его передвижение.

– Он не сбежит, – уверенно сказал Баширов, поднимаясь. – Я могу идти?

– Можешь. И помни о том, что я тебе сказал. Он должен оставаться на нашей даче до шестого июля. Седьмого июля, если все будет нормально, его уже там не должно быть. Ни при каких обстоятельствах и независимо от результата, который мы получим. Шестое июля – последний день, который мы позволим ему прожить. Сегодня двенадцатое июня. Значит, у него есть в запасе еще двадцать четыре дня. За все его преступления это царский подарок. А ты как считаешь?

– Да, – сдержанно сказал полковник. – Я с вами согласен.

– До свидания.

Баширов вышел из просторного кабинета, кивнул секретарю, прошел в коридор. И, достав сигарету, щелкнул зажигалкой. Генерал прав. Если пленник сбежит, ему придется застрелиться. Слишком многое поставлено на карту.

Париж. 13 июня

Он любил этот город особой любовью. Много лет назад он впервые прилетел в Париж, ошеломивший его размахом своих площадей и бульваров, многочисленными кафе с обращенными к людям столиками, словно составлявшими большой зрительный зал, в котором сценой был сам город. Именно тогда, когда большинство советских людей могли лишь мечтать о Париже, он попал сюда, чтобы навсегда полюбить этот прекрасный город. Здесь он познакомился с Барбарой, с которой встречался три года назад в отеле «Ритц». Сюда он вернулся после того, как узнал о смерти своего друга – Маира Касланлы. Тогда Дронго не смог далеко уехать. Его сняли с поезда на небольшой станции городка Бар-де-Люк и отвезли в больницу с тяжелым сердечным приступом. Это была реакция на смерть его друга, погибшего в нелепой автомобильной аварии; виновный так и не был найден. Следователи, проводившие расследование, сказали, что авария произошла случайно и была результатом угона самосвала неизвестным лицом. Был объявлен розыск неизвестного, который ничего не дал. Но Дронго знал, кому и зачем понадобилось убивать его друга. И сердце не выдержало, дало сбой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.